

Герман и Тамара
Рыльские

НОКТАМБУЛА

ПРОБУЖДЕНИЕ

Герман Рыльский
Тамара Рыльская
Ноктамбула. Пробуждение
Серия «Ноктамбула», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66766328
Ноктамбула. Пробуждение: РОСМЭН; Москва; 2021
ISBN 978-5-353-09831-7

Аннотация

Вторая книга серии «Ноктамбула». Черный Король неумолимо просыпается, а Тайна все путешествует во времени и пространстве. Однако теперь она не только приобретает новых друзей и врагов, но и постоянно сталкивается со старыми. События закручиваются в безумном вихре, словно кто-то дергает всех за невидимые нити, а время сошло с ума.

Так что же делать, если миры буквально рассыпаются на части?
Может быть... попить чаю?

Содержание

Сон пятый	6
Интерлюдия шестая	91
Сон шестой	103
Интерлюдия седьмая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	132

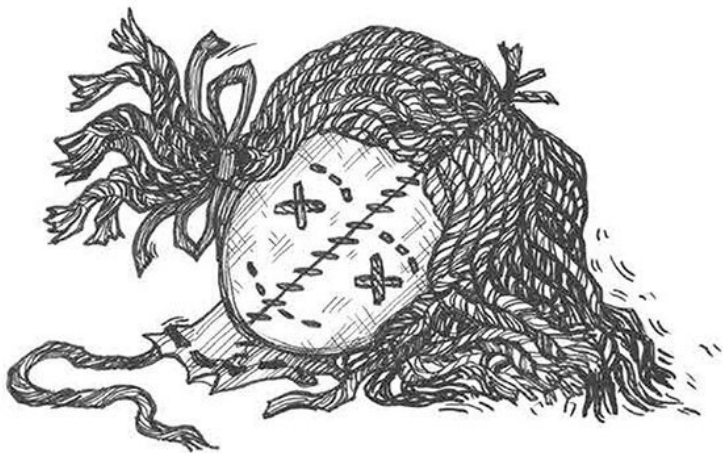
Герман и Тамара Рыльские

Ноктамбула. Пробуждение

© Г. и Т. Рыльские, текст, 2021

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2021

* * *

– Ему снится сон, – сказал Тарарам. – А как ты думаешь, что ему снится?

– Никто этого не узнает, пока Король не проснется и сам не расскажет, – ответила Алиса.

– Вот и нет! Вот и нет! Ему сниться ты! – воскликнул довольный Тарарам и захлопал в

ладоши. – А как по-твоему: где ты окажешься, если перестанешь ему сниться?

– Там же, где и была, – ответила Алиса.

– Как бы не так! – презрительно сказал Тарарам. – Тебя вообще нигде не будет. Ведь ты – просто один из его снов!

Л. Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье».

Перевод В. Орла

Сон пятый

Дурка

– Олесе кажется, что она спит.

– Ну откуда ты знаешь?

– Видно.

– Я думаю, она просто притворяется, человек не может столько спать.

– Мо-ожет! Когда Олесе сделают укол, она тоже долго спит.

– Ей не делали никаких уколов.

Тайна уже давно слушала этот диалог, но в смысл начала вникать только сейчас. Рядом спорили две девочки. Второй, скептический голос принадлежал ребенку постарше. Пространство заполняли неясные звуки – плач, приглушенные

крики, истеричный смех.

– Мила, а можно ее толкнуть?

– Зачем?

– Ну... можно?

Тайна разлепила глаза и огляделась. Она лежала на металлической койке, застеленной серыми простынями; слева к ее ложу была придвинута точно такая же больничная кровать. На ней, подобрав под себя ноги, сидела девушка лет восемнадцати в полосатой пижаме и прижимала к груди тряпичную куклу.

– Ну вот, я же говорила, что она притворяется! – улыбнулась девушка. И сама себе ответила, изменив голос: – Да-а, точно... Ты притворялась?

Здесь не было никаких детей, только девушка с куклой. Голос, которым она озвучивала игрушку, казался более взрослым и рассудительным, чем ее собственный.

– Я... где это я? – Тайна приподнялась на локтях.

Она очнулась в большом гулком помещении с высоким потолком, грязно-белыми стенами и зарешеченными окнами. На полу лежал старый, идущий пузырями линолеум. Все пространство вокруг было занято железными кроватями, сдвинутыми по две, – очевидно, для экономии места. На первый взгляд их здесь стояло не меньше пятидесяти. Шум, который слышала Тайна, производили женщины разного возраста в одинаковых больничных пижамах. Пахло туалетом, сырой штукатуркой и лекарствами.

– Ты в городской психиатрической больнице! – донесся бодрый голос со смежной кровати.

Тайна посмотрела на свою соседку и поняла, что последнюю фразу та произнесла от лица куклы.

– Меня зовут Мила. А это, – девушка согнула мягкую кукольную руку, указав на саму себя, – Олеся, моя младшая сестра.

– Понятно, – кивнула Тайна, с интересом разглядывая сестер.

Младшая, Олеся, была красивой, с темными вьющимися волосами, правильными чертами лица и большими доверчивыми глазами. Несмотря на худобу девушки, ее полная грудь ощутимо натягивала больничную пижаму. При этом Олеся казалась ребенком, запертым во взрослом теле. Определить возраст Милы не представлялось возможным, хотя выглядела она довольно потрепанной. Рыжие волосы из распущенного шнура торчали в разные стороны, как ворс у старой малярной кисти, платье из разноцветных лоскутов было сшито кое-как. Взгляд Милы показался Тайне странным, как будто неживым, но, с другой стороны, ни у кого из ее прежних знакомых не было таких глаз, намеченных крест-накрест суровой ниткой.

– А ты кто такая? – спросила Олеся, хлопая пушистыми ресницами. – Как тебя зовут?

– Тайна.

– Странное имя! Лучше бы тебя звали Катя или Наташа.

Ну, или Вика. Но только не Олеся, потому что одна Олеся здесь уже есть!

– А это, значит, больница? – уточнила Тайна, пропуская мимо ушей размышления Олеси по поводу имен. – И кого здесь лечат?

– Здесь лечат дураков! – радостно сообщила девушка. – Это дурка!

– Я же объясняла тебе, что это плохое слово! – разозлилась Мила. – Не смей так говорить!

– Хорошее слово, – надулась Олеся. – Дурка, дурка, дурка!

– Иногда с ней невозможно! – вздохнула Мила.

– Не знаешь, как я здесь оказалась? – спросила Тайна у куклы.

– Как и все, наверное, – удивилась Мила. – А ты что, не помнишь?

– Нет. Мы с Кристиной дрались. А потом, кажется, убили друг друга.

– Должно быть, все-таки не убили, – заметила Мила, сморщив Тайну глазами-крестиками. – Во всяком случае она тебя точно не убила.

Дверь в палату распахнулась, и на пороге возник крепко сложенный человек. Его лоб и правую бровь пересекал длинный шрам, а на пальцах были татуировки, изображавшие перстни. Тяжелый взгляд скользнул по притихшим пациентам и остановился на Тайне.

– Пришла в себя? Хорошо! Я позову доктора...

Сказав это, мужчина ушел, и гул, наполнявший палату, возобновился.

– Кто это был? – спросила Тайна.

– Виктор, – безрадостным голосом сообщила Олеся, – санитар.

– Он-то еще ничего, – добавила Мила. – Хоть и бывший бандит. Есть вообще такие...

– Какие?

– Злые, – буркнула Олеся, пряча глаза. – Могут обидеть...

– Обидеть – это мягко сказано, – странным металлическим голосом произнесла Мила. – В нашем отделении работают трое. С Виктором и Артуром можно иметь дело. А вот с Эдиком лучше не связываться.

Произнеся за куклу последнее имя, Олеся вздрогнула, как-то разом сжалась и втянула голову в плечи.

– Короче, скоро сама все узнаешь, – поспешно добавила Мила.

– Ладно, – сказала Тайна, оглядывая помещение.

Некоторые пациентки бесцельно ходили по палате, другие с отсутствующим видом стояли возле окон. Кровать напротив занимала пожилая женщина с неподвижным взглядом – она смотрела в стену, а из приоткрытого рта на пижаму капала слюна. Ее соседка, девушка лет шестнадцати, сидела на скомканном одеяле, обхватив руками колени, и что-то бормотала. Впрочем, несколько человек вели себя вполне обыч-

но – читали потрепанные журналы, беседовали, просто лежали, глядя в потолок.

– А для чего все эти люди здесь собрались? – спросила Тайна.

– Они не собрались, их собрали, – ответила Мила.

– А ночью они все орут! – вставила Олеся.

Ее голос снова сделался бодрым, а глаза весело заблестели. Тайна поняла, что ее новая подруга не могла долго концентрироваться на чем-то плохом – полезное качество, когда живешь бок о бок с толпой сумасшедших.

– А зачем они орут? – любопытствовала Тайна.

– Психи... – развела руками девушка.

В этот момент в палату вошел высокий худой мужчина в белом халате, накинутом поверх элегантного костюма-тройки. Гул снова стих, словно кто-то резко повернул ручку громкости радиоприемника. Мужчине, чье появление заставило тех пациенток, кто не полностью оторвался от реальности, замолчать и съежиться, было около сорока пяти лет. Ранняя седина и морщины лишь добавляли ему импозантности. Внимательным взглядом поверх квадратных очков он посмотрел на Тайну.

– Как ваше самочувствие? – У него был глубокий приятный голос.

– Замечательно, – пожала плечами Тайна. – Я могу идти?

– Нет! Мы еще не познакомились, а вы уже хотите уходить! – улыбнулся доктор.

– Это Игорь Валерьевич, – раздался голос Милы. – Наш психиатр!

– Спасибо, Олеся. – Доктор кивком поблагодарил девушку с куклой и перевел взгляд на Тайну. – Давайте пройдем ко мне в кабинет. Там мы сможем спокойно побеседовать.

Тайна нацепила тапочки, предусмотрительно оставленные кем-то возле кровати, и следом за врачом вышла из палаты. Коридор, где они очутились, был длинным и унылым. Справа тянулись высокие зарешеченные окна, слева – металлические двери. За окнами виднелось безрадостное, затянутое серой дымкой небо и верхушки деревьев, вздрагивающие под порывами ветра. На ветках почти не осталось листьев.

«Все еще осень», – подумала Тайна.

– Идемте же, – позвал Игорь Валерьевич. – Мой кабинет не здесь.

Тайна вспомнила другой кабинет и другого собеседника. Разговор тет-а-тет с директором приюта закончился тем, что на нее напал черный призрак. Тайна вздохнула и без особого энтузиазма поплелась за Игорем Валерьевичем.

По коридору ходили мужчины и женщины в застиранных пижамах. Некоторые пожилые пациенты медленно ковыляли, опираясь на металлические ходунки, те, что помоложе, отирались у подоконников, негромко беседуя, или же молча подпирали стены. Но все без исключения держались подалеже от санитаров, одетых в бледно-голубые форменные рубашки с коротким рукавом.

Кабинет доктора напоминал библиотеку. Массивные шкафы темного дерева были заполнены толстыми книгами по медицине. На стене, за письменным столом, висели плакаты, по большей части с изображениями человеческого мозга в различных ракурсах и разрезах. Кроме напечатанных обозначений, Тайна заметила пометки, сделанные от руки. На столе стоял череп. Его пожелтевший свод был разделен на сектора, пронумерованные красным карандашом. Рядом лежала толстая книга. «Трепанация черепа», – прочитала Тайна, шевеля губами.

– Захватывающая тема, – сказал доктор, опускаясь в кресло. – Вы же знаете, что такое трепанация?

Девушка помотала головой.

– Трепанация, или, если говорить по-научному, краниотомия, известна людям с древнейших времен, – произнес доктор таким тоном, словно читал студентам-медикам заумную лекцию. – Давным-давно считалось, что сумасшествие вызывают злые духи и, если просверлить в черепе дыру, они улетят... но, впрочем, не будем отвлекаться. Давайте лучше поговорим о вас.

– Хорошо, – согласилась Тайна и, не дожидаясь приглашения, опустилась на жесткий стул. – Давайте поговорим обо мне.

– Видите ли, у нас есть одна небольшая загвоздка, – произнес Игорь Валерьевич, глядя на Тайну поверх сложенных домиком пальцев. – Вы поступили к нам в состоянии ката-

тонического ступора, документов при вас не было. Кто вы?

– Я Тайна.

– Это я понял, – кивнул доктор. – А как вас зовут?

– Меня зовут Тайна.

– Хорошо. А фамилия?

– Такого у меня никогда не было, – сказала девушка и откинулась на спинку стула.

– Та-ак, – протянул доктор, открыл блокнот и сделал карандашом какую-то пометку. – У вас есть родственники?

– Нет, – отрезала Тайна. Перед мысленным взором возникло потное, с прилипшими прядями волос лицо Кристины. Они смотрели друг другу в глаза, пока их кровь смешивалась и капля за каплей уходила в землю. – Никого нет.

– А где вы живете? – спросил врач, продолжая что-то записывать в блокнот.

– Везде... – сказала Тайна и огляделась. – Здесь.

– Вот как... – произнес Игорь Валерьевич, постукивая карандашом по столу. – Неужели амнезия?.. – подумав немного, он снял с телефонного аппарата трубку и покрутил диск. – Доброе утро. Вы сейчас свободны?.. Замечательно... У нас новая пациентка... Нужна полная картина... Да, как обычно... Хорошо, жду.

Доктор положил трубку и посмотрел на девушку.

– Вас обследуют сегодня же.

– Кто обследует? – насторожилась Тайна.

– Врачи, конечно, – сказал Игорь Валерьевич ласковым

голосом. – Это поможет поставить правильный диагноз и определиться с лечением.

– Знаете, доктор, меня не надо лечить. Я прекрасно себя чувствую.

– Но вы ничего не помните.

– Я все помню, – отрезала Тайна.

– А свое детство? Школу? Родителей? Друзей и подруг?

Тайна неопределенно пожала плечами. Ребенком она не была, в школу не ходила и возникла, по собственному убеждению, из ниоткуда, а значит, и родителей у нее быть не могло. Подруги и друзья имелись – Маша из приюта, Вера из Тупика и Фолко со своей командой любителей фэнтези, но рассказывать о них едва знакомому человеку Тайна не собиралась.

– Амнезия, – развел руками Игорь Валерьевич.

– Хорошо, пусть будет амнезия, – согласилась Тайна. – Меня все устраивает. Я имею право отказаться от лечения?

– Если я скажу, что имеете, и отпущу вас, куда вы пойдете? – поинтересовался доктор.

– Куда-нибудь. Какая вам разница?

– Огромная, – сказал Игорь Валерьевич. – Дело в том, что вы ранили человека. Девушка оправилась от раны, но попала к нам. У нее серьезное нервное расстройство.

– Кристина здесь? – скривилась Тайна.

– Значит, ее вы не забыли? Вот и прекрасно, будет с чего начать.

– А я надеялась, что она умрет...

– Неужели? – Доктор удивленно вскинул бровь. – Мы еще поговорим о вас и о Кристине. Это была необычная драка, не так ли?

– Почему вы так решили? – недружелюбно отозвалась Тайна.

– После событий в парке вам обоим потребовалась помощь психиатра. Странное совпадение, вы не находите?

Девушка промолчала.

– Кристина тоже была уверена, что убила вас. – Игорь Валерьевич облокотился на стол, его голос внезапно сделался напряженным, глаза загорелись, как у человека, одержимого какой-то идеей. – Я читал материалы следствия. На мече обнаружили вашу кровь. Там все было залито вашей кровью.

– Ну и что?

– Но вы не ранены! На теле – ни царапины!

– Так это же хорошо, – удивилась Тайна.

– Хорошо? Согласен. Но откуда кровь?

– Из раны. Кристина проткнула меня насквозь, вот здесь. – Тайна указала на собственную грудь, чуть выше солнечного сплетения.

Доктор устремил на девушку задумчивый взгляд. Маятник напольных часов в углу кабинета мерно покачивался. Из глубины здания доносились приглушенные вопли.

– Я обязательно узнаю, что произошло в парке. Это... – Игорь Валерьевич ласково улыбнулся, – поможет нам опре-

делиться с лечением.

В дверь постучали, и на пороге кабинета возник человек в белом халате и очках с толстыми линзами.

– Заходите, заходите, доктор, – сказал Игорь Валерьевич. – Вот, поручаю вашим заботам...

Под надзором молчаливых врачей и медсестер Тайна обошла множество кабинетов. Ее осматривали, проверяли рефлексы, подключали к непонятным приборам. Она устала и поэтому приятно удивилась, когда санитар привел ее в столовую.

В огромном помещении было шумно. Возле длинного металлического сооружения, разделявшего кухню и столовую, толпились пациенты с разноцветными подносами. Тайне на мгновение почудилось, что она снова в приютской столовой и сейчас на ее руке привычно повиснет Маша. Однако вместо нее из толпы вынырнула Олеся. На голову выше Тайны, она, конечно же, не могла повиснуть у нее на руке.

– Тебя уже отпустили? Хорошо! – Одной рукой Олеся прижимала к груди сестру, а в другой держала поднос.

– Хорошо, – согласилась Тайна, разглядывая поваров.

Они таскали огромные кастрюли, раскладывали еду в миски и лениво покрикивали на пациентов.

– Пойдем займем очередь, – сказала Олеся.

Большую часть столовой занимали длинные столы. Наполнив подносы, девушки сели в самом конце зала между плакатами «Мойте руки перед едой!» и «Здесь нет пап и мам,

убирай посуду сам!».

– А ты помыла руки? – строго поинтересовалась Мила, обращаясь то ли к Олесе, то ли к Тайне.

– Да тут хоть мой, хоть не мой! – раздался над ухом Тайны густой бас. Рядом с девушками, грохнув подносом о стол, сел высокий бородатый парень. Его крепкие загорелые предплечья украшали вытатуированные драконы и змеи. – Все равно просрешься! Вы вообще видели, как они тут готовят? Сплошная антисанитария!

– А я тебя знаю, – сказала Тайна. – Ты – Мамонт. Мы в Талионе виделись.

– Точно! А ты – Тайна, девушка Фолко. Ты что здесь делаешь?

– Обедаю. А ты?

– Меня привезли в момент обострения! – воскликнул Мамонт и смерил девушек многозначительным взглядом.

– И как тебе здесь? – поинтересовалась Тайна. – Нравится?

– Ну ты даешь! – расхохотался молодой человек. – Я бы давно дернул с этого скотомогильника! – И чуть тише добавил: – Я здесь по делу. Последнее время мной интересуется военкомат.

– Он – нормальный, – пояснила Мила, не без помощи сестры усаживаясь прямо на стол.

– Тише ты, – цыкнул на Олесю Мамонт и указал ложкой на санитаря, который прохаживался вдоль стены. – Эти уроды

только с виду тупые, а на самом деле все видят и слышат.

– Говорят, здесь еще Кристина, – сказала Тайна, отхлебывая компот.

– Да. Тут она. Скоро весь фэнтези-клуб в психушку перекочует. Мы тогда ролевку замутим! Санитары будут троллями...

Посмеявшись собственной шутке, Мамонт приступил к еде. Мила ничего не ела, вероятно, по причине отсутствия рта, зато Олеся уминала за двоих.

После обеда был тихий час. Тайна в сопровождении сестер вернулась в палату, легла на кровать и стала смотреть в окно. Пациентки лежали на удивление спокойно.

– Чего это все такие притихшие? – зевнув, спросила Тайна.

– Боятся... – сказала Олеся сонным голосом. – Придет санитар и всыплет... тем, кто будет орать.

Тайна подумала, что это правильно, – она-то орать не собиралась.

За окном покачивались ветви деревьев. Какое-то время Тайна лежала, наблюдая за их размеренным, убаюкивающим движением. Она почти задремала, когда за стеклом промелькнула большая черная тень. Тайна открыла глаза, но видение уже растворилось – в окно, как и прежде, осторожно царапались кривые ветки.

– Вы это видели? – спросила Тайна у сестер.

Олеся спала, тоненько посапывая; Мила стояла на смятом

одеяле и смотрела в окно. Оторвавшись от созерцания деревьев, она устремила глаза-крестики на девушку и медленно кивнула.

– Пойдем посмотрим? – предложила Тайна.

Кукла проворно спустилась по съехавшей на пол простыне, проковыляла по вытертому линолеуму до самого окна и оглянулась на девушку. Тайна, которая не ожидала такой самостоятельности от тряпичной игрушки, подошла к Миле и посадила ее на подоконник. Вдвоем они прильнули к прутьям решетки. Их взорам открылись посыпанные щебнем и опавшими листьями дорожки, живые изгороди, деревья с пожелтевшими кронами. Единственная в этой части двора скамейка пустовала, лишь ветер перелистывал страницы забытого кем-то журнала.

Мила подергала Тайну за рукав и указала куда-то вдаль. Там, в глубине парка, виднелась темная неподвижная фигура. Незнакомец стоял, раскинув крылья, как будто собирался взлететь к небу.

– Там кто-то есть. Кто-то с крыльями. – Тайна сняла куклу с подоконника и прижала к груди, как это делала Олеся. – Мы можем спуститься и поговорить с ним. Идем, пока он не улетел.

Санитары почему-то оставили дверь незапертой, и Тайна беспрепятственно покинула палату. Мила нетерпеливо ерзала, словно подгоняя подругу. Коридор оказался пустым, как и лестница. Гулкое эхо шагов было единственным звуком,

который нарушал настороженную тишину больницы. Спустившись по лестнице, Тайна и Мила очутились в полутемном холле. Тяжелая входная дверь стояла нараспашку.

В парке не было ни врачей, ни пациентов.

– Все куда-то делись, – заключила Тайна, миновав скамейку с забытым журналом. – Вот так тихий час...

В конце дорожки стоял человек, которого подруги заметили из окна. Он уже не казался темным. В белых одеждах и с белыми крыльями за спиной, юноша выглядел довольно необычно. Светлые выющиеся локоны обрамляли красивое лицо с тонкими чертами. Тайна вспомнила Кирилла, в которого когда-то была влюблена Маша. Если бы он не умер, отравленный ядом паука, то, наверное, вырос бы похожим на это странное крылатое существо.

– Бог оставил это место... – печально изрек юноша. Он смотрел мимо Тайны и, кажется, вообще не замечал ее. – Велики прегрешения людские! Скоро обрушится гнев Господень на тех, кто поступками своими приближает день Страшного Суда.

Сказав это, незнакомец расправил крылья и, взметнув опавшие листья, поднялся к небесам. Его силуэт быстро затерялся среди темных туч.

– Да уж. Поговорили, – разочарованно протянула Тайна.

– С кем поговорили?

Девушка открыла глаза и увидела над собой лицо Олеси.

– С ангелом, – сказала Тайна, удивленно оглядываясь.

Она лежала на койке, прижимая к груди Милу.

Тихий час закончился. В дверях стоял санитар, наблюдая за тем, как сонные пациентки одна за другой покидают палату.

– Так это нормально! – захихикала Олеся, забирая у Тайны куклу. – Здесь половина больницы с ангелами разговаривает. А другая половина – с инопланетянами. И что же он тебе сказал?

– Да так... Бог что-то задумал. Проучить грешников, кажется.

– Знаешь, это тебе приснилось, – постановила Олеся.

– Нет, – покачала головой Тайна. – Мы с Милой ходили в сад. Там был Ангел.

– Мила, вы правда были в саду?

– Правда, – сказала кукла и шепотом добавила: – Тайна не такая, как остальные. Она сразу *поняла про нас*. И в сад мы ходили... *другой* дорогой.

– Так ты знаешь про нас? – выдохнула Олеся.

– Что знаю? – в тон ей прошептала Тайна.

– Ну, что мы сестры.

– Еще бы. Вы мне сами об этом сказали.

– Вот, я же говорила, – вставила Мила. – Она *понимает!*

– Что-то я *вас* не понимаю, – нахмурилась Тайна.

– Все думают, что Олесенька дурочка, – с серьезным видом заявила Олеся, – и лечат нас от *раздвоения личности!*

– Эй вы, поторопитесь! – раздался недовольный голос са-

нитара.

– А куда мы должны торопиться? – поинтересовалась Тайна.

– На прогулку, – вздохнула Олеся, слезая с кровати.

* * *

– Вот здесь мы его и видели, – сказала Мила. – Только он живой был и улетел потом.

Тайна с удивлением разглядывала гипсовую статую ангела. Потемневшая от времени и непогоды фигура стояла в конце аллеи. Стебли плюща оплели постамент и тянулись выше, словно хотели удержать ангела на земле, не дать ему улететь.

– Он здесь всегда стоял, – скептически заметила Олеся.

– Ага, а вот и вы! – раздалось над ухом у Тайны.

Она оглянулась и увидела Мамонта. Поверх пижамы он накинул спортивную куртку, а вместо тапочек нацепил стоптанные кроссовки. Больница не обеспечивала пациентов верхней одеждой, поэтому на Тайне была розовая нейлоновая куртка, которую ей дала поносить Олеся.

– Привет, Мамонт, – поздоровалась Тайна.

– А Олесенька знает, кто такие мамонты! – заявила Олеся. – Это такие волосатые слоники! Только они же давно вымерли!

– Я живее всех живых, как Ильич! – снисходительно улыб-

нулся молодой человек. – А вы чем здесь занимаетесь?

– Памятник разглядываем, – ответила Мила.

– Лучше б здесь что-нибудь повеселее поставили. Девушку с веслом, например.

– А некоторые пациенты, – Олеся устремила на Тайну невинный взгляд, – считают, что этот ангел летает.

– Ну вот, а я о чем! – фыркнул Мамонт, пригладил бороду и произнес: – А я только что Кристину видел.

– И как она? – спросила Тайна.

– Да... как здесь можно быть? Давай сходим, поздороваемся, если хочешь.

– Хочу, – сказала Тайна. – Идем.

Парк удивлял своими размерами. Деревья подступали прямо к стенам больницы, тут и там стояли деревянные скамейки. Сейчас они были сырыми и холодными, но некоторых пациентов это не останавливало – они сидели по одному или по несколько человек, как птицы на жердочках, радостно глядя в серое небо или, наоборот, с трагическим видом опустив головы. Мамонт свернул с гравиевой дорожки и нырнул в кусты.

– Ой, а что Олеся нашла! – воскликнула девушка, поднимая что-то из травы.

– Брось гадость, – одернула младшую сестру Мила.

– Чего там у вас? – оглянулся Мамонт. – А, ясно!

Он забрал у Олеси ярко-желтую таблетку и, размахнувшись, запустил ее подальше в кусты.

– Это мое было, это я нашла! – запротестовала девушка.

– Тебе это и так выдадут, – строго произнес Мамонт. – Тут если по траве поползать, можно килограмм успокоительных и прочей дряни набрать. Одни пациенты, особенно те, что «косят», их в форточки выплевывают, а другие подбирают...

Олеся надулась, а Мамонт двинулся дальше, туда, где за кронами деревьев вздымалась стена лечебницы. Вскоре он остановился, пропуская девушек вперед. Тайна отстранила ветку и увидела Кристину. Одетая в длинное пальто, она что-то увлеченно рисовала на стене осколком кирпича.

– Заметь, – произнес Мамонт, толкая Тайну в бок, – Сама с собой разговаривает! Если только у нас не начали призывать женщин, как в Израиле, дело серьезное.

Под ногой у Олеси хрустнула ветка. Художница вздрогнула и оглянулась.

– Привет, – поздоровалась Тайна. – Все рисуешь?

– Рисую, – прошипела Кристина, закрывая спиной незаконченную картину. – А ты, я вижу, жива-здорова.

– А как же, – пожала плечами Тайна.

– А что там, на картинке? – спросила Олеся.

– Не твое дело, придурочная!

– Ладно, ладно, не нервничай, – произнес Мамонт. – Если хочешь, мы уйдем.

– Хочу! Убирайтесь! – топнула ногой Кристина.

В этот момент из-за деревьев возникли двое санитаров. Одного из них Тайна знала – это был Виктор, бывший бан-

дит со шрамом на лице и татуировками на пальцах. Второго – тощего, похожего на лисицу типа с прыщавой физиономией, – Тайна видела впервые. Увидев его, Олеся сжалась и мелкими шажками попятилась обратно в кусты.

– Что за собрание? – Коллега Виктора отпихнул Кристину в сторону. – Симонова, ты опять стены...

Санитар замолчал, так и не закончив свою мысль. Тайна приподнялась на цыпочки, стараясь разглядеть рисунок. На стене был изображен висельник с выпученными глазами и языком, вывалившимся изо рта.

– Эд, так это же ты! – рассмеялся Виктор. – Слушай, а ведь похоже!

– Я вижу, что похоже. – Прыщавый повернулся к Кристине. – Ты у меня за это получишь!

– Отвали! – завизжала девушка и швырнула в него осколок кирпича, который до сих пор сжимала в руке.

Снаряд угодил санитару прямо в лоб. Лицо, и без того напоминавшее лисью морду, еще больше вытянулось, с кончика острого носа побежала тонкая струйка крови.

– Пойдемте, пока он не очухался, – шепнул Мамонт и следом за Олесей нырнул в кусты.

Тайна еще несколько секунд смотрела, как обозленный санитар теснит Кристину к стене. Виктор наблюдал за происходящим, сложив руки на груди и гадко ухмыляясь.

– Чего встала? – раздался из-за деревьев голос Мамонта. – Хочешь, чтобы и тебе досталось?

Тайна этого, конечно же, не хотела. Выбираясь из зарослей, она слышала за спиной глухие звуки ударов и короткие, полные ненависти вскрики.

– А где Олеся? – спросила Тайна, оглядываясь.

– Деру дала, когда Эдика увидела. А Кристина круто его изобразила. Талант!

– Виктор вроде бы страшнее, – удивилась Тайна.

– Не, – отмахнулся Мамонт. – Девушки, которые здесь лежатся, Эдика боятся. Я слышал, он позволяет себе... всякое.

Попрощавшись с Мамонтом, Тайна несколько раз обошла парк, пока не обнаружила Олеся, сидящую отдельно ото всех, под деревом. Милу она устроила на коленях. Трава была сырая, но Тайна все равно опустилась на землю рядом с сестрами.

– А я вас обыскалась. Ты чего сбежала?

– Захотела и сбежала, – отозвалась Олеся, не глядя на Тайну.

– Испугалась Эдика?

Девушка ничего не ответила, лишь втянула голову в плечи.

– Он тебя обижает? – спросила Тайна.

– Обижает, – едва слышно пробормотала Олеся.

– Почему ты не пожалуешься? Расскажи обо всем Игорю Валерьевичу.

– Об этом нельзя никому рассказывать, – нехотя произнесла девушка. – Олесенька дурочка, и ей все равно никто не

поверит. Но если она хоть кому-то расскажет, Эдик ее убьет. И на клочки порвет Милу. Он так сказал.

– Это неправильно, – нахмурилась Тайна. – Хочешь, я помогу тебе разобраться?

– Лучше не лезь в это, – серьезным тоном произнесла Мила. – Ты только хуже сделаешь. Мы сами как-нибудь разберемся.

* * *

Сразу после завтрака Игорь Валерьевич пригласил Тайну к себе в кабинет.

– Рад вас видеть. – Доктор отложил в сторону книгу и улыбнулся. – Как самочувствие? Привыкли к обстановке?

– Спасибо, хорошо. Олеся и Мила мне все показали.

– Мила... – Игорь Валерьевич снял очки и протер их носовым платком. – Очень интересный случай. Но я не советую поддерживать придуманную Олесей игру – этим вы только закрепите ее фантазии.

– О чем вы? – не поняла Тайна.

– Бедняжка спроецировала образ погибшей сестры на куклу, – покачал головой доктор. – Я рад, что теперь у Олеси появилась подруга, это поможет ей вернуться к реальности.

– Так вот в чем дело, – протянула Тайна.

Выходит, умершая сестра Олеси не исчезла, не отправилась «на тот свет», если он вообще существовал, а продол-

жила существовать в теле игрушки. Возможно, при жизни Мила была «индиго», или же «индиго» была Олеся, и это ее способности удерживали сущность погибшего человека в теле куклы. «Иван Николаевич бы это оценил», – подумала Тайна.

– Да вы присаживайтесь, – произнес доктор. – В ногах, как известно, правды нет!

– А зачем вы меня позвали? – спросила Тайна, опускаясь на стул.

– Чтобы начать лечение, – тепло улыбнулся Игорь Валерьевич.

– Это обязательно? – скривилась Тайна. – У меня все в полном порядке.

– Что ж, а будет еще лучше!

Доктор встал из-за стола, подошел к шкафу и достал оттуда блестящее металлическое приспособление, нечто вроде часов без циферблата. С торжественным видом Игорь Валерьевич поставил его на стол перед Тайной.

– И как же вы собираетесь меня лечить? – поинтересовалась девушка.

– Методом регрессивной терапии, – произнес Игорь Валерьевич. – Если вам это о чем-нибудь говорит.

Тайне это ни о чем не говорило. Она внезапно поняла, что ненавидит сложные слова и научные термины.

Доктор щелкнул тумблером, и на странном приборе загорелась небольшая лампочка. Тайне совершенно не нрави-

лось происходящее. Ей захотелось сбежать, но за дверью дежурил Артур, один из санитаров. Меж тем Игорь Валерьевич опустился в кресло и толкнул укрепленный в приборе маятник.

Щелчок – вспышка – щелчок – вспышка – щелчок – вспышка...

Маятник раскачивался вправо-влево, укрепленная на нем круглая линза вспыхивала каждый раз, когда оказывалась напротив лампочки. Мерные сухие щелчки раздавались, стоило маятнику максимально отклониться вправо или влево.

– Расслабьтесь, – произнес доктор. – Слушайте метроном.

Щелчок – вспышка – щелчок – вспышка – щелчок – вспышка...

Почти сразу Тайна поняла, что зловещий прибор обладает над ней странной властью. Она по-прежнему слышала голос врача, но почти не улавливала смысл слов.

Щелчок – вспышка – щелчок – вспышка – щелчок – вспышка...

Тайна почувствовала, что ее утягивает куда-то, возможно внутрь лампочки, выросшей до размеров прожектора, и сделала единственное, на что еще была способна, – зажмурилась. Внезапно метроном смолк, и наступила звенящая тишина. Тайна открыла глаза. Маятник остановился, лампочка погасла. Игорь Валерьевич держал возле уха диктофон – черную пластмассовую коробочку с кнопками. Несколько секунд из нее доносилось негромкое шипение, а потом – за-

писанный на пленку голос самого доктора: «И что было дальше? Что вы сделали, когда Семен и Василий сбежали?» Ему ответил невыразительный, лишенный живых интонаций голос, в котором Тайна не без удивления узнала свой собственный: «Я пошла за ними. На кладбище было холодно, и я хотела согреться».

Игорь Валерьевич выключил диктофон, и шипение смолкло. Тайна непонимающе смотрела на доктора.

– Для первого раза неплохо, – сказал он, откладывая прибор в сторону. – Завтра продолжим. А пока что можете идти на обед.

– Какой еще обед? – пробормотала Тайна. – Я же только что с завтрака пришла...

– Нет, нет, самое время обедать, – возразил психиатр. – Посмотрите на часы.

Тайна оглянулась и увидела, что маленькая стрелка напольных часов указывала на цифру «1». Прислушавшись к собственным ощущениям, девушка поняла, что успела проголодаться и захотеть в туалет. Но куда делись несколько часов между завтраком и обедом? Не мог же Игорь Валерьевич вырезать их, как сцену из фильма?

– Я что, спала? – спросила Тайна.

– Можно и так сказать, – отозвался Игорь Валерьевич. – В любом случае наш первый сеанс окончен, так что идите. Я слышал, сегодня на десерт сырники. Опоздаете, останетесь без сладкого!

Покинув кабинет, Тайна направилась в сторону ближайшего туалета. Она чувствовала себя странно, так, словно злобный маятник до сих пор качался у нее перед носом, впиваясь в мозг невидимыми клешнями. В ушах отдаленным эхом звучали щелчки метронома.

Тайна зашла в пропахший хлоркой туалет и огляделась. Унитазов здесь не было, лишь овальные углубления в кафельном полу, а кабинки, отгороженные одна от другой тонкими фанерными переборками, не имели дверей. Сливные бачки, прилепившиеся к стенам, напоминали причудливые грибы на толстых металлических ножках. Курить в лечебнице строго воспрещалось, однако за резким запахом моющих средств в туалете витал едва уловимый табачный флер.

Тайна остановилась возле ржавого ручкомойника. Над ним висела отражающая металлическая пластина, заменявшая зеркало. «Чтобы психи не разбили стекло и не порезали себя или других», – подумала Тайна, мельком глянув на свое не слишком четкое отражение. Кран подтекал, и тяжелые капли с мерным «плюм!» разбивались о поверхность раковины. Девушка хотела пустить холодную – другой здесь и не имелось – воду и умыться, однако ее рука так и не коснулась вентиля. Однообразный звук падающих в раковину капель что-то делал с ней, проникал в мозг, лишал способности двигаться. Мысли застывали в голове, словно капли парафина, упавшие в воду. Еще не отошедшая от сеанса, Тайна почувствовала, что ее снова куда-то утягивает.

– А ну очнись, быстро!

Девушка подняла взгляд и увидела в металлическом зеркале лицо, очень похожее на ее собственное. Это была не кто иная, как Маленькая Тайна, и она была очень зла.

– Ты что такое творишь? – Голос девочки звучал странно, словно эхо от сказанных ею слов рождалось прежде, чем сами слова.

– А что я такого сделала? – пробормотала Тайна. – И как ты попала в зеркало?

– Ты хоть понимаешь, что сегодня произошло? Игорь Валерьевич нашел нашу слабость! Теперь он может делать с нами что пожелает!

– Какую слабость, ты о чем?

– Гипноз! Он применил к нам гипноз!

– Я ничего не понимаю, – призналась Тайна.

Девочка медленно вдохнула, выдохнула и заговорила более спокойным голосом:

– Гипнотизер отключает сознание человека и получает прямой доступ к его подсознанию. Игорь Валерьевич в два счета добрался до меня, ему даже стараться не пришлось. Да о чем говорить, если тебя загипнотизировали капли, падающие из крана!

– И что, это очень плохо? – спросила Тайна. Она смутно понимала, что сейчас ругает саму себя, ведь Маленькая Тайна являлась такой же частью ее сознания, как сердце или легкие – частью тела. И все же эта самоуверенная девчонка

в зеркале уже начинала раздражать.

– Подсознание не может врать, понимаешь?! Без твоего контроля я беспомощна, а ты ни фига не контролируешь! Я рассказала Игорю Валерьевичу все, что он захотел.

– Ну и как бы я ему помешала? Этот его маятник...

– Я не знаю как! Но больше не позволяй ему этого делать! И очнись ты уже, наконец. Смотреть противно!..

Тайна вздрогнула, растерянно моргнула и всмотрелась в зеркало. Там снова отражалось ее собственное лицо. Маленькая Тайна исчезла, исчез и отзвук метронома, еще недавно гудевший в голове. Звук капель, разбивающихся о ручкой, уже не проникал в мозг, подобно нервно-паралитическому газу, но прежде чем направиться к одной из кабинок, девушка на всякий случай приоткрыла кран, пустив воду тонкой струйкой.

* * *

На следующее утро санитар притащил упирающуюся Тайну в кабинет Игоря Валерьевича.

– Я не хочу, чтобы вы снова это делали, – заявила она с порога. – Мое подсознание против.

– Неужели? – удивился Игорь Валерьевич. – Что ж, я все понимаю, но у меня нет времени на капризы. Артур, пожалуйста, зафиксируй пациентку.

Санитар усадил Тайну на стул и пристегнул ее широкими

ремнями к спинке. Еще несколько узких ремней понадобилось, чтобы зафиксировать руки и ноги.

— Ну а теперь приступим, — сказал Игорь Валерьевич, доставая из шкафа маятник и включая лампочку.

Тайна зажмурилась и услышала голос доктора:

— На такой случай у меня припасен расширитель для век. Не самое приятное приспособление, но, если вы будете меня вынуждать, я его использую.

Тайна поняла, что таким образом ничего не добьется, и открыла глаза. Доктор запустил маятник.

Щелчок — вспышка — щелчок — вспышка — щелчок — вспышка...

Вскоре Тайна перестала чувствовать ремни, стул под собой, да и кабинет словно бы растворился в тумане. Осталась только круглая линза, укрепленная на маятнике, и звук метронома. Неожиданно щелчки смолкли. Девушка решила, что Игорь Валерьевич выключил прибор, и попыталась оглядеться. Зрение было затуманено, но даже через застилавшую взор пелену Тайна увидела все тот же световой блик. Она потерла кулаками глаза (и куда, спрашивается, подевались ремни?) и вместо маятника увидела натянутую в полосатый чулок ногу. Нога раскачивалась, и пряжка на старомодной туфельке с тупым носом то и дело вспыхивала, отражая луч солнца.

Некоторое время Тайна смотрела на туфельку. В голове было пусто. Казалось, противное устройство высосало из нее

все мысли, словно механическая пиявка.

«Нога не может быть сама по себе», – решила девушка и наконец оторвала взгляд от блестящей пряжки.

Напротив Тайны в большом кожаном кресле сидела девочка и пускала круглым зеркальцем солнечных зайчиков. На вид ей было не больше десяти лет. Черноволосая, с огромными глазами и тонкими бескровными губами. Несмотря на юный возраст, в каждом ее движении сквозило сдержанное достоинство. Синее клетчатое платье сидело на маленькой леди безупречно, тупоносые ботинки были начищены до блеска.

Девочка дразнила солнечным зайчиком большую черную кошку – та как заведенная крутилась на ковре, но, конечно же, не могла ухватить шустрого сверкающего зверька.

– Плезанс Лидделл, – неожиданно произнесла девочка, пряча зеркальце в карман.

– Что? – переспросила Тайна.

– Плезанс Лидделл, так меня зовут... иногда. А вы – Тайна.

– Да. Это действительно я, – согласилась девушка, с интересом оглядываясь по сторонам.

Огромная комната выглядела непривычно: тяжелая резная мебель, потемневшие портреты в золоченых рамах, напольные часы, камин, а над ним – большое овальное зеркало. Возле каминной решетки были рассыпаны шахматные фигуры – упустив солнечного зайчика, кошка принялась ка-

тать их взад-вперед по ковру. Тайне показалось, что пешки протестующе пищат и ругаются, но, возможно, эти звуки ей лишь померещились. За окнами был яркий зимний день; деревья гнулись под тяжестью снега. В камине потрескивало жаркое пламя.

– И где же мы? – спросила Тайна. – Знаешь, я только что была совсем в другом месте.

– Вы у меня в гостях, – произнесла Плезанс и тут же спохватилась: – Право, о чем я думаю! Не хотите ли чаю?

– Хочу. В смысле – не откажусь, – произнесла Тайна. И тут же обнаружила, что держит в руках горячую чашку.

Между креслом, в котором сидела Тайна, и креслом Плезанс возник столик.

– Пудинга? – предложила девочка.

– Пудинга, – согласилась гостья.

Когда Тайна отхлебнула чая и отправила в рот ложку десерта, Плезанс произнесла:

– Знаете, Тайна, я пригласила вас не просто так.

– Да?.. Понятно, – разочарованно протянула девушка, сообразив, что от нее снова чего-то хотят. – А в чем дело?

– Черный Король... Он спал все это время, но, кажется, теперь он просыпается.

Кошка прекратила катать шахматные фигуры и замерла, глядя на хозяйку немигающим, мертвым взглядом.

– И что же он сделает, когда проснется? – любопытствовала Тайна.

Она-то могла не опасаться королевского гнева. Среди ее знакомых вообще не было особ королевской крови, а значит, она не рисковала испортить с ними отношения.

– Он... – Плезанс сделала круглые глаза, – он просто проснется! И тогда мы исчезнем.

– Это еще почему?

– *Потому что мы все снимся Черному Королю!*

Некоторое время Тайна смотрела на Плезанс. То, о чем говорила девочка, казалось смутно знакомым. Где-то она об этом уже слышала...

– ...или видела сон... – пробормотала Тайна.

Пока что понимание ускользало от нее, как хитрый солнечный зайчик.

– Что вы сказали? – занервничала Плезанс.

– Ничего, – пожала плечами Тайна. – Откуда ты знаешь про Короля?

– Мы познакомились... много лет назад. Я долго была Хранительницей Королевского Сна... больше ста лет. Но, кажется, я не справилась – Черный Король просыпается, – по лицу девочки скользнула тень. – Нужен новый Хранитель... Брысь, Дина!

Плезанс сбросила кошку, неожиданно прыгнувшую ей на колени.

– Я не хочу быть Хранителем, у меня другие дела, – сказала Тайна, догадавшись, к чему весь этот разговор.

– Как это?.. – опешила Плезанс.

– Ну так... – пожала плечами девушка, – совсем другие дела.

– Но это же важно. Это... для всех важно...

– А для меня нет, – отрезала Тайна. – Еще вопрос, кто кому снится.

– Вот! – Плезанс отставила чашку, вскочила с кресла и принялась мерить комнату шагами. – Поэтому вы и должны быть Хранителем. Если бы не было таких, как мы, то кто бы следил за Королевским сном?

– Это каких «таких»? – уточнила Тайна.

– *Настоящих*. Тех, кто не только снится Королю, но еще и существует на самом деле.

– Подожди. Если мы настоящие, какое нам дело до его сна? Пусть себе просыпается.

– Да что вы?! – всплеснула руками девочка. – Он проснется, все вокруг исчезнет... и что тогда?

– Что? – насторожилась Тайна.

– Не знаю... – тихо произнесла Плезанс и поежилась, словно от холодного сквозняка. На какой-то миг ее взгляд сделался пустым, точно у фарфоровой куклы. Тайна неожиданно поняла, насколько уставшей и больной выглядит ее новая знакомая. – Возможно, нам самим придется уснуть. Мы будем спать и видеть сны про кого-то... и кто-то будет хранить наш сон. А что еще делать, если вокруг *ничего*?

– Откуда он вообще взялся, этот Король? – спросила Тайна, присматриваясь к очередному куску пудинга.

– Ну, это долгая история. Если вкратце, когда-то он сам был Хранителем и не уследил за сном бывшего Черного Короля, – сказала Плезанс. – Ему пришлось уснуть, чтобы Вселенная не исчезла. Все это... сложно!

Тайна мысленно согласилась с девочкой – это было слишком запутанно.

Напольные часы с длинным маятником, один в один как те, что стояли в кабинете Игоря Валерьевича, пробили три раза. Плезанс вздрогнула и произнесла:

– Скоро вам придется уйти. А сейчас слушайте внимательно. Сейчас вы спите и видите сон. И я сама – только слепок сознания настоящей Плезанс! Вы проснетесь, и меня не станет.

– Что? – опешила Тайна. – В каком это смысле?

– Во всех! Алиса Плезанс Лидделл, Белая Королева, понятия не имеет, что мы сейчас разговариваем. А я, эта *комната*, даже этот *пудинг*, – девочка тараторила, словно они с Тайной стояли возле отходящего поезда, – это просто сновидение, одно из тысяч, которые Плезанс разбросала наугад, как письма в бутылках. Все, чтобы дать вам знак, предупредить.

Тайна ничего не понимала. Тем не менее она честно старалась вникнуть в то, что говорила Плезанс... которая, по ее же словам, была совсем и не Плезанс.

– Вас ищет Альберт Лепус, детектив. Он свой. А еще за вами охотится Кукловод.

– Это я знаю, – вставила Тайна.

– Он не из наших, он служит Черному Королю. Хочет, чтобы тот поскорее проснулся.

– А что, этот Король так желает проснуться?

– Ну еще бы! Ему надоело видеть кошмары! И он *мечтает* проснуться, просто *спит и видит!*

Часы пробили еще три раза.

– Вам надо уходить! – Девочка вскочила с кресла.

Сообразив, что ей не придется отведать еще один кусочек пудинга, пусть и воображаемого, Тайна поднялась с кресла.

– Как отсюда выйти?

– Через зеркало, разумеется.

Тайна подвинула к пылающему камину стул и вскарабкалась на мраморную полку.

– Мы нигде не встречались? – спросила она, оглянувшись. – Все это кажется... каким-то знакомым.

– Нет, мы не встречались, – покачала головой Плезанс. – Наверное, вы обо мне читали.

– А что, о тебе где-то написано?

– Конечно. Я думаю, о вас тоже пишут... Такое, знаете ли, случается.

Тайна кивнула и прошла сквозь зеркало.

* * *

Тайна сделала шаг и очутилась в кабинете Игоря Вале-

рьевича. Возле письменного стола она увидела доктора и... себя, пристегнутую ремнями к стулу. Заинтригованная, девушка подошла поближе.

– Ну надо же, – прошептала она.

Вторая Тайна, над которой склонился Игорь Валерьевич, сидела, выпрямившись и положив связанные руки на колени. Ее взгляд был прикован к металлическому маятнику, который, впрочем, уже не работал. Как ни странно, но врач не отреагировал на появление новой Тайны. «Он меня не видит», – сообразила девушка.

– Хорошо. Теперь мы идем еще дальше, – произнес Игорь Валерьевич. – Что ты видишь?

– Луну.

Тайна, только что чаевничавшая с Плезанс Лидделл, решила не вмешиваться. Она обошла стол и опустилась в кресло Игоря Валерьевича. Ей было интересно послушать себя со стороны.

– Где же ты находишься?

– В канаве.

– В какой еще канаве?

– Это кювет, вдоль шоссе. Я здесь... началась.

– Вот как? А что же было до этого?

– Ничего.

– Совсем ничего? – настойчиво переспросил доктор.

– Совсем.

Игорь Валерьевич распрямился, снял очки и двумя паль-

цами потер переносицу.

– Она все правильно говорит, – подтвердила Тайна, сидевшая в кресле, но, как и раньше, осталась незамеченной.

– Значит, ты была прежде всего остального?

– Выходит, что так.

– А как же, например... – доктор сделал неопределенный жест рукой, – Бог?

– Не знаю. Я его не встречала.

– Так. – Врач на секунду задумался, после чего надел очки и вновь склонился над пациенткой. – Сейчас я буду медленно считать. На счет «три» ты проснешься. Один. Два. Три.

* * *

Тайна открыла глаза и с удивлением обнаружила, что смотрит на противный маятник. Оглядев кабинет, она не обнаружила вторую себя.

– Ну и хорошо.

– Что хорошо? – спросил Игорь Валерьевич, разглядывая на свет темные пластиковые листы, на которых различались бледные изображения черепа под разными углами.

– Я снова *одна*, и это хорошо, – сказала Тайна. Она снова была свободна, ремни лежали рядом, на полу. – Ну как, полечили меня?

– Полечил, полечил... – рассеянно произнес психиатр.

– И что, мне лучше стало?

Не получив ответа, Тайна задала другой вопрос:

– А что это вы рассматриваете?

– Рентгеновские снимки вашего черепа, – отозвался Игорь Валерьевич, продолжая шуршать листами. – Очень любопытно, доложу я вам...

– Что же там такого любопытного? – насторожилась Тайна.

Ей не нравилось, что доктор, на письменном столе которого стоял настоящий человеческий череп, да еще и расчерченный на сектора, проявлял интерес к ее собственной голове.

– Сросшийся перелом затылочной кости. Обширные поражения головного мозга, в том числе миндалевидного тела. Удивительно, что мы вообще сейчас разговариваем. Наверняка это была автомобильная авария. Что, кстати, объясняет, почему ваше самое раннее воспоминание – кювет около шоссе...

– С моей головой все в полном порядке, – недовольно буркнула Тайна.

– Нет, не в порядке, – веско произнес Игорь Валерьевич. – Но, похоже, в этих повреждениях и кроется секрет ваших... удивительных талантов. Знаете, Тайна, ваш мозг – это настоящее сокровище.

– *Мое* сокровище, – сказала Тайна, спеша расставить все точки над «і».

– О, не волнуйтесь, – отмахнулся доктор. – У вас его ни-

кто не отнимает... пока что. Кстати, очень интересно было узнать о дальнейшей судьбе Ивана и Леночки. Надо же, какую деятельность они развернули. Открыть приют для детей-индиго, невероятно! А какую бесценную коллекцию они собрали... одна девочка-невидимка чего стоит! Сказать по правде, в какой-то момент я даже позавидовал! Жаль, все так бездарно закончилось...

– Вы про Ивана Николаевича и Лену, что ли? – Тайна подозрительно прищурилась. – Откуда вам про это известно?

– Тайна, дорогая, – мягко произнес доктор, тасуя длинными пальцами рентгеновские снимки. – Вы же мне сами обо всем рассказали.

– Я ничего не рассказывала. Это, наверное, Маленькая Тайна. Она сама призналась, что не умеет хранить секреты.

– Ну что ж, пусть будет так, – легко согласился Игорь Валерьевич, отложил листы и деловым тоном произнес: – На сегодня, пожалуй, закончим. Можете идти обедать.

– Действительно, пойду-ка я обедать, – проворчала Тайна, поднимаясь со стула.

Ей хотелось как можно скорее покинуть кабинет, оказаться подальше от Игоря Валерьевича.

«Надо убираться из этой больницы, пока он не вскрыл мне череп», – размышляла Тайна, шагая по мрачноватым коридорам. Спустившись на первый этаж, где находилась столовая, она почувствовала запах съестного и моментально забыла о сеансе гипноза, о Маленькой Тайне и своих опасениях.

Судя по урчанию в животе, пудинг оказался совершенно не сытным.

После обеда, как всегда, был тихий час, а после – прогулка. На выходе из палаты Тайну остановил санитар и произнес:

– К тебе посетитель. Он внизу, в вестибюле ждет.

Спускаясь по лестнице, Тайна размышляла, кто бы это мог быть, когда перед ней возник улыбающийся Фолко. Его счастливое лицо украшали почти сошедшие синяки, вероятно следы стычки со скинхедами.

– Привет! – воскликнул он, немного неуклюже обнимая девушку. – Как же я рад тебя видеть!

– Привет. А я – тебя, – отозвалась Тайна, чувствуя, что соскучилась по Фолко, да и по всей остальной компании тоже.

– Смотри, что я тебе принес, – сказал юноша, размыкая объятия и протягивая Тайне прозрачный пакет. – Это апельсины!

Держась за руки, Тайна и Фолко покинули вестибюль. Спустившись по ступенькам, они прогулочным шагом двинулись по одной из гравийных дорожек, огибавших лечебницу.

– Сколько раз мы вот так же гуляли по парку... – задумчиво произнес Фолко, пиная желтые листья.

– Много раз, – пожала плечами Тайна. – Только тогда вокруг не было психов...

– Тайна, я хочу, чтобы ты знала. Это ничего не меняет

между нами.

– Ты о чем? О психах?

– О том, что ты ничего не помнишь, о твоей амнезии. Я говорил с твоим лечащим врачом, он мне все объяснил. Но для меня это не важно. Ты по-прежнему остаешься моей девушкой. Мы с тобой вместе навсегда.

– Да? – произнесла Тайна, несколько удивленная тем фактом, что она, оказывается, чья-то девушка.

– Разумеется! – горячо воскликнул Фолко. – Я бы от тебя не отказался! Подумаешь, амнезия! Мы справимся с этим вместе. Ты все вспомнишь. А если нет... это тоже ничего не изменит.

– Ну хорошо, – пожалла плечами Тайна, не совсем понимая, что за сложную мысль пытается донести до нее Фолко.

– Жених и невеста, жених и невеста! – донеслось откуда-то слева.

Тайна оглянулась и увидела Олесю и Милу, сидящих на скамейке. Младшая сестра хихикала, старшая, как всегда, сидела с отсутствующим видом и смотрела глазами-крестиками куда-то мимо Тайны.

– А это мои подруги – Олеся и Мила, – сказала девушка, направляясь к скамейке. – А это Фолко, он принес мне апельсины.

– Очень приятно! – вежливо поздоровалась Мила.

– А я хочу апельсин, – заявила Олеся.

– Фу, как некультурно! – одернула ее сестра. – Надо подо-

ждать, пока тебя угостят, а не выпрашивать!

– Сейчас все мы будем есть апельсины, – произнесла Тайна. – А Фолко их почистит.

– А, да, конечно, – засуетился молодой человек и достал из рюкзака потрепанную записную книжку. Туда, насколько помнила Тайна, Фолко записывал тексты и аккорды песен.

Из блокнота вывалился блестящий предмет и звякнул о гравий. Тайна увидела плоский металлический нож странной формы, с длинной рукоятью и коротким лезвием. Ее глаза загорелись любопытством.

– Что это? Твое жало?

– Ага, досталось по наследству от Бильбо Торбинса, вместе с мифриловой кольчугой. – Усмехнувшись, Фолко поднял нож с земли, подбросил его в воздух и не очень ловко поймал. – А вообще это скальпель! Я на каникулах работал в морге и стащил его на память, как сувенир.

– И что, ты им трупы резал? – Тайна посмотрела на Фолко так, словно видела его в первый раз.

– Трупы? – Фолко снова подбросил скальпель и на этот раз все-таки уронил его. – Нет, я уборщиком работал. Просто хотел подкопить, чтобы на море съездить...

– А-а... – разочарованно протянула Тайна.

Почистив апельсины и раздав их девушкам, Фолко спрятал скальпель между страницами. Лезвие не влезало полностью, рукоять торчала из блокнота, словно закладка.

Друзья еще долго сидели в тени деревьев, разговаривали и

смеялись. Фолко рассказывал о том, что происходит в фэнтези-клубе, о том, каким фурором стала ночная дуэль Тайны и Кристины.

– Милиция всех допрашивала, – сказал Фолко и как бы между прочим добавил: – У нас все думают, вы из-за меня подрались...

– Мы подрались, потому что Кристина – дура, – уточнила Тайна, вытирая рукавом куртки текущий по подбородку апельсиновый сок.

– Да это понятно... Я говорю, что в клубе думают...

Время пролетело незаметно. Санитар, который присматривал за порядком в парке, окинул компанию выразительным взглядом и постучал пальцем по циферблату наручных часов.

– Я скоро снова приду. – Фолко поднялся со скамейки.

Краем глаза Тайна заметила, что Мила за его спиной копается в апельсиновых корках. Это было странно, потому что на людях старшая сестра Олеси всегда притворялась мягкой игрушкой.

– Обязательно приходи! – воскликнула Олеся. – Не забудь апельсины.

– Приходи, приходи, – кивнула Тайна, заглядывая Фолко за плечо.

Мила снова лежала на скамейке, между горкой апельсиновых корок и блокнотом.

– Ты меня не проводишь? – спросил Фолко, забрасывая

блокнот в рюкзак.

– А... ну да, пойдём.

К воротам больницы они пошли окольным путем.

– Скажи, как это – ничего не помнить? – нарушил молчание Фолко.

– Наверное, плохо, – безразлично пожала плечами Тайна.

Она-то, к счастью, прекрасно помнила все, что с ней было, начиная с пробуждения в бетонной канаве.

– Я помогу тебе все вспомнить, – пообещал юноша. – Мы найдем твою семью...

– Ну да, а в крайнем случае новую сделаете, – раздалось за спиной.

Тайна и Фолко одновременно повернулись на голос и увидели Кристину. Художница выглядела хуже обычного, словно последние несколько недель провела в концлагере, а не в психиатрической лечебнице. Темные глаза на осунувшемся лице странно блестели.

– Что тебе? – поморщилась Тайна.

– Ничего особенного. Просто поговорить.

– Давай поговорим.

Кристина бросила презрительный взгляд на Фолко и холодно произнесла:

– Давай уж лучше за ужином. Вы так мило воркуете, не хочу вам мешать.

Не дожидаясь очередного ехидного комментария, Тайна двинулась в прежнем направлении, к воротам больницы. За-

мешкавшийся Фолко догнал ее спустя несколько секунд.

– Интересно, что ей от тебя нужно?

– Как «что»? Поговорить. – Тайна удивленно посмотрела на своего спутника. – Ты же слышал.

– Ну да, а о чем?

– Если хочешь, я тебе все расскажу, когда ты в следующий раз апельсины принесешь.

Фолко украдкой оглянулся и произнес:

– Мне вот что интересно. Кристина до сих пор пользуется своим... даром?

– Нет, – уверенно ответила Тайна. – Ее картинки больше никого не могут убить.

– Это точно? Почему ты так решила?

– Я видела, как она нарисовала одного из санитаров, мертвого, в петле. Он до сих пор жив, ходит как ни в чем не бывало и даже не думает вешаться.

– Понятно, – кивнул Фолко. – Но это еще ничего не доказывает.

– Разумеется, доказывает. – Тайна наградила молодого человека прохладным взглядом. – Кристина все время что-то малюет – на стенах, подоконниках, даже на салфетках в столовой. Сегодня за завтраком Мамонт вытирался такой. Ее рисунки лишились силы.

– Интересно почему...

– Какая разница? – безразлично уронила Тайна.

На ужин была запеканка из гречки. Тайна без энтузиазма прожевала сухую, царапающую горло массу и запила ее глотком чуть теплого чая.

– Она права, – вслух подумала Тайна.

– Кто? – спросил сидевший напротив нее Мамонт.

– Одна больная из нашей палаты. Она считает, что повара нас травят, и постоянно пишет об этом президенту.

– А, ну это еще ничего, – молодой человек издал басовитый смешок. – В нашей палате один дед письма самому Ленину пишет.

Однажды Тайна своими глазами видела Ленина, на балу у мадам Тюссо. Но тот факт, что некоторые пациенты красnodарской психиатрической больницы состояли в переписке с экспонатами «Лучшего в России музея восковых фигур», явился для Тайны новостью.

– И что, Ленин ему отвечает? – спросила она.

– Сомневаюсь, – фыркнул Мамонт. – Ну а то, что нас травят, я с первого дня понял. После того, как на завтрак дали кашу с салом!

За спиной Тайны возникла Кристина.

– Наелась? Идем.

Тайна, без сожаления оставив гречневую запеканку, пошла следом за художницей. Мамонт и Олеся проводили их

удивленными взглядами. Девушки молча поднялись на второй этаж и остановились возле окна. В коридоре никого не было.

– О чем будем говорить? – поинтересовалась Тайна.

За окном начинало темнеть. Ветер стих, и парк пребывал в оцепенении, словно зачарованный гипнотическим маятником.

– О нас. И о том, что здесь творится, – проговорила Кристина.

– Я уже знаю, что повара нас травят... если ты об этом.

– Слушай, не придуривайся, – устало отмахнулась Кристина. – Все очень серьезно. Или ты думаешь, я просто так решила поболтать?

– Рассказывай. Я слушаю.

Кристина задумчиво посмотрела на деревья за окном, хотя казалось, что ее взгляд устремлен намного дальше.

– Все дело в этой больнице, – сказала она. – И в Игоре Валерьевиче. Его интересует не только психиатрия. Он исследует... таких, как мы.

– Каких таких? – не поняла Тайна.

– *Каких таких!* – передразнила Кристина. – Экстрасенсов. Сверхлюдей. Тех, кто обладает особыми талантами!

– А я здесь при чем?

Некоторое время Кристина молча стояла, сложив руки на груди и глядя на Тайну.

– Я так и знала, что у тебя не все дома. Ты не просто стран-

ная. Ты *вообще* ничего не понимаешь!.. Посмотри. – Она задрала пижаму, продемонстрировав впалый живот и торчащие тазовые кости. – Что это, по-твоему?

– Шрам, – пожала плечами Тайна. – От моего жала.

– Точно. А где шрам от моего меча? Следователь говорил, что ты не была ранена, а я отлично помню, как проткнула тебя насквозь!

Тайна расстегнула пижаму, обнажив грудь. Никакого шрама не было.

– Нет шрама, – согласилась она, застегивая пуговицы. – Ну и что здесь такого? Это же был всего-навсего меч. Почему я должна меняться из-за какого-то меча?

– Наш дорогой доктор как-то сказал, что экстрасенсы нашего уровня чаще всего бывают сумасшедшими, – покачала головой Кристина. – Хорошо, попробуем по-другому. Ты хочешь, чтобы тебя изучали?

– Конечно нет, – не задумываясь, ответила Тайна. – Этого мне совсем не хочется.

– А тебя будут изучать, можешь мне поверить! Я тоже не сразу поняла, что здесь происходит. Игорь Валерьевич пользуется гипнозом, он каждый день вводит меня в транс. Я сама рассказала ему про рисунки и про все, что делала с их помощью! Он действительно хочет вылечить меня, – Кристина нервно рассмеялась, – вернуть мне мои способности!

– Ты больше не можешь рисовать? – на всякий случай уточнила Тайна.

– Я могу рисовать, только толку от моих рисунков ноль! Игорь Валерьевич считает, это связано с какой-то психологической травмой. Знаешь, я боюсь... что он все-таки сможет меня вылечить.

Крестину начала бить легкая дрожь, на лбу выступила испарина. Всегда уверенная и решительная, теперь она выглядела напуганной и сломленной. Тайна поняла, что жалеет ее.

– А что же в этом плохого? Пускай вылечит. А ты потом нарисуешь чего-нибудь этакое... как он отравился гречневой запеканкой, например.

– Ну да, как же!.. Он будет держать меня под гипнозом или под наркотиками. И рисовать я буду только под его контролем. Мои рисунки... это же... такая власть!

– Не думаю, что меня можно использовать, – сказала Тайна, несколько секунд поразмыслив над словами Крестины. – То, что делаешь ты, понятно любому. А то, что делаю я... Я и сама не знаю, что я делаю.

– Ты недооцениваешь нашего доктора! – воскликнула Кристина, и ее голос эхом разнесся по пустому коридору. – Он разберется, как тебя использовать! А если не разберется, то тебя разберет по кусочкам. Он очень интересуется трепанацией черепа и, кажется, считает, что с помощью операций на мозге можно создавать экстрасенсов. Знаешь, – Кристина неожиданно перешла на возбужденный шепот, – в больнице есть запретное крыло. Некоторые считают, что там содержат опасных психов. А другие – что там проводятся эксперимен-

ты на людях. Ты же не хочешь, чтобы в твоей голове кто-то покопался?

– Мне бы это не понравилось, – сказала Тайна. – А что ты предлагаешь? Сбежать?

– Нет! Нас поймают и вернут обратно. Нужно убить Игоря Валерьевича! Это единственный выход. Ты мне поможешь?

На лестнице раздались шаги. Девушки оглянулись и увидели санитаря, похожего на обезьяну, с тяжелой челюстью и татуировками на толстых пальцах.

– Почему не в столовой? – обратился он к Тайне. – Симонина, а тебя ищет доктор.

Бросив на Тайну затравленный взгляд, Кристина удалилась в сопровождении санитаря.

* * *

– Всем встать!!! Быстро!!!

В палате вспыхнул верхний свет. Тайна почувствовала, что с нее сдернули одеяло, открыла глаза и увидела санитаров, которые ходили между кроватями, грубо расталкивая пациентов.

– В коридор! Шевелитесь! Всем построиться вдоль стены!

Тайна нехотя спустила ноги с кровати, нацепила тапочки и вместе с Олесей поплелась к двери. Медбратья бесцеремонно стаскивали с коек перепуганных женщин.

– Что происходит? – зевая, спросила Тайна.

– Не знаю... – прошептала Олеся. Милу она, как всегда, крепко прижимала к груди.

Вскоре женщины построились в неровную линию, растянувшись, как и было приказано, вдоль стены. Мимо пронесся Игорь Валерьевич. Его серый костюм был помят, волосы всклокочены. Казалось, его тоже выдернули из постели, как минутой раньше – Тайну и остальных пациенток. Он влетел в палату, где четверо санитаров переворачивали матрасы и перетряхивали постельное белье.

За окном было темно. Тайна прислонилась к стене, ожидая, когда обыск закончится и можно будет вернуться в кровать. Тем временем Игорь Валерьевич вернулся в коридор и, заложив руки за спину, прошелся вдоль шеренги. Его сопровождал мрачный, заспанный медбрат. Женщины были напуганы, двое или трое негромко всхлипывали. Неожиданно доктор остановился возле Олеси и произнес:

– Дайте мне вашу куклу.

Олеся сделала шаг назад и вжалась в стену.

– Куклу сюда!

Тайна встала перед Игорем Валерьевичем, загораживая собой подругу, и произнесла:

– Вы что, в детстве не наигрались?

– Артур! Забери куклу, – распорядился доктор.

Санитар одним движением отодвинул Тайну и вырвал тряпичную игрушку из объятий Олеси. В этот момент Тайна заметила бурые пятна, покрывавшие платье Милы, очень

похожие на кровь.

Сестра Олеси оказалась в руках у Игоря Валерьевича. Сама Олеся плакала и пыталась что-то сказать, но на нее уже никто не обращал внимания. Доктор бесцеремонно залез кукле под платье и достал оттуда окровавленный скальпель.

– Олесю в изолятор. Остальных в палату.

– Чего встали? – рявкнул Артур. – По кроватям, живо!

Пациентки поплелись обратно, подгоняемые тычками и окриками. Олесю, которая билась в истерике и просила вернуть ей сестру, увел Артур. Игорь Валерьевич, держа окровавленную игрушку за ногу, растворился в глубине темного коридора.

Лежа в постели, Тайна размышляла о том, как могла использовать Мила украденный у Фолко скальпель. А утром больницу облетела новость – ночью кто-то из пациентов убил санитаря. О том, что подозрения падают на Олесю, знали еще не все, но история уже успела обрасти ужасающими подробностями. Некоторые говорили, что Эдуарду перерезали сонную артерию и выкололи глаза, а некоторые – что убийца успел расчленить тело и кое-что употребить в пищу. Тайна знала, что ничего этого Мила сделать не могла. Вероятно, все ограничилось одним-единственным, точным ударом, да и сам потерпевший в этот момент, скорее всего, спал.

На завтрак в тот день была перловая каша.

– А где Олеся? – спросил Мамонт, подсаживаясь к Тайне.

– Ты что, еще не слышал? Ее заперли.

– Серьезно? – удивился парень. – Она что, буянила?

– У Милы нашли скальпель, которым убили Эдика. Олесю заперли в какой-то изолятор, а что будет с Милой... – Тайна неопределенно передернула плечами. – Вообще не представляю, что с ней будет. Ее забрал Игорь Валерьевич.

– Мила – это Олесина кукла, да? – осведомился Мамонт.

– Да. Ее сестра. Она зачем-то спрятала скальпель под платьем.

– Дурдом, – пробормотал Мамонт и больше вопросов не задавал.

* * *

Кристина как сквозь землю провалилась. Тайна искала ее весь день, но так и не нашла. Зато, исследуя укромные закоулки парка и больничного здания, она не раз натыкалась на рисунки, выполненные углем или осколками кирпича. Особенно ей понравились две картины. Первую, самую большую, Тайна обнаружила на бетонном заборе, по верху которого вилась колючая проволока. С присущим ей умением Кристина изобразила здание психиатрической клиники, охваченное пламенем. К сожалению, этот шедевр скрывали густые заросли сирени, и поэтому насладиться им могли лишь самые любопытные пациенты. На другой картине был изображен Игорь Валерьевич. Он лежал лицом вниз, а из его затылка торчала рукоять скальпеля. Рядом Кристина

дорисовала очки, очевидно, слетевшие с доктора во время падения, – одного стекла не было, а другое треснуло. Этот рисунок располагался на задней стене больницы, как раз под окнами рабочего кабинета Игоря Валерьевича. Тайна отметила, что обслуживающий персонал не торопился стереть со штукатурки портрет своего начальника.

После ужина, когда Тайна выходила из столовой, у двери ее встретил Игорь Валерьевич. За его спиной маячил угрюмый Артур.

– Здравствуйте, – поздоровалась Тайна и хотела пройти мимо.

– Не торопись, – остановил ее доктор. – У меня есть к тебе одно дело.

– Какое?

– Скоро узнаешь. Идем.

Они миновали весь первый этаж и остановились перед большой металлической дверью. Артур достал связку ключей и открыл замок. Тайна увидела полутемный вестибюль, из которого вели несколько дверей. У дальней стены стоял запылившийся бюст Ленина из серого камня. «И здесь он», – подумала Тайна.

– Пошевеливайся, – буркнул Артур.

– А это, наверное, запретное крыло? – спросила Тайна, переступая порог.

– Да, можно и так сказать. – Игорь Валерьевич бросил на Тайну странный взгляд. – В эту часть больницы обычным пациентам вход закрыт.

– А почему?

– Здесь содержатся больные, которым нужен особый уход.

– Это здесь вы проводите опыты, что ли? – произнесла

Тайна, оглядываясь.

Игорь Валерьевич и его помощник обменялись удивленными взглядами.

– С чего ты взяла? Какие еще опыты? – спросил доктор.

– Не знаю... медицинские, наверное.

– Много болтаешь, – недовольно бросил Артур и подтолкнул Тайну к двери, за которой оказался узкий коридор.

Здесь царила непривычная тишина, лишь под потолком гудела единственная люминесцентная лампа. Время от времени она мигала, погружая коридор в полную темноту.

– Куда вы меня ведете? – спросила Тайна.

– Что, испугалась? – усмехнулся Артур.

– Нет. Просто интересно.

– Придется тебе немного подождать, – сухо произнес Игорь Валерьевич. – Скоро все узнаешь.

Процессия, состоявшая из доктора, санитары и пациентки, миновала гудящую лампу и остановилась возле массивной двери, сваренной из толстых стальных прутьев. Пока Артур перебирал ключи и возился с многочисленными замками, Тайна разглядывала помещение по ту сторону. Это был длинный, широкий зал с высоким потолком и бетонным полом. Справа и слева, через равные промежутки, располагались небольшие комнаты, в которые вели двери-решетки, по

пять с каждой стороны зала.

– Тайна!

Это был голос Олеси. Девушка стояла в одной из камер, схватившись за прутья.

– Привет, – поздоровалась Тайна.

В этот момент Артур схватил ее за локоть и, протаскивая до ближайшей пустующей камеры, затолкал внутрь.

– Успеете еще наговориться, – сказал он, повернув в замке ключ.

Девушка огляделась. Здесь не было ничего, кроме кровати, небольшого стола и унитаза. Мебель оказалась привинчена к полу.

– Что-то мне здесь не нравится, – пробормотала Тайна, возвращаясь к решетке.

Игорь Валерьевич и Артур уже ушли.

– Тайна, ты не знаешь, что с Милой? – донесся из-за стены голос Олеси.

Их камеры располагались с одной стороны зала, поэтому Тайна не могла видеть подругу.

– Не знаю, ее забрал Игорь Валерьевич.

– Вдруг он ее обижает?!

– Слушай, заткнись. – Тайна узнала голос Кристины. Художница появилась из полумрака и тяжело облокотилась на решетку своей камеры. – Достала всех своей идиотской куклой.

Олеся что-то обиженно пискнула и замолчала.

– Ты тоже здесь? – удивилась Тайна. – Как дела?

– Нормально. Не успели мы прикончить этого козла. –

Кристина апатично пнула мощные железные прутья.

– Не успели, – согласилась Тайна. – Что это за место?

– Личный зоопарк доктора. А мы – его подопытные обезьяны.

– Значит, он все-таки будет нас изучать?

– Ага. – Художница невесело рассмеялась. – Этот маньяк решил, что операция на мозге мне поможет. Сегодня ночью меня ждет трепанация черепа.

В камере напротив Тайна заметила какое-то движение. К решетке подошел высокий худой мужчина. Его лоб от виска и до виска пересекал рубец с точками от снятых швов. В глубоко запавших глазах Тайна уловила что-то очень знакомое. Где-то она уже видела этот взгляд, но где?..

– Он поймал тебя! – воскликнул мужчина срывающимся голосом и рассмеялся. – Доктор тебя поймал! Поймал вавилонскую блудницу!

– Вы это мне? – уточнила Тайна.

– Тебе, тебе! Кому же еще!

– Лучше не отвечай, – сказала Кристина, возвращаясь на свою койку. – Он еще больший псих, чем эта, с куклой.

– Я ее знаю! – крикнул мужчина. – Это же Тайна!

Он схватил со стола потрепанную книжку и начал быстро перелистывать страницы, слюнявя пальцы.

– Вот, слушайте! «И повел меня в духе в пустыню; и я

увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена была облачена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

– На меня не похоже, – отрезала Тайна. – В этой вашей книжке глупости написаны.

– Что?! – возмутился мужчина. – Это святые откровения! Даже тебе не позволено говорить так про Библию! – Он потряс книгой в воздухе.

– Не переживайте так, – успокоила его Тайна. – Сами посмотрите, разве то, что вы прочитали, хоть немного меня напоминает? У меня нет золотой чаши. И багряного зверя тоже нет.

– Что тебе не нравится? – подала голос Кристина. – Отличный портрет. Прямо Сальвадор Дали.

– Ты можешь провести остальных, – защитник Писания приткнулся к решетке, его голос упал до яростного полусшепота, – но только *не меня*. Я вижу то, что ты прячешь от остальных, – клеймо на твоём челе.

– Какое клеймо? – насторожилась Тайна.

– Рога! – выкрикнул мужчина, тыча в нее пальцем. – Рога на твоей голове!

Тайна наконец поняла, почему этот человек показался ей

знакомым. Такой же взгляд был у Ивана Николаевича, большого специалиста по части рогов и прочих странностей. Но что могло связывать здешнего поклонника Библии с директором приюта для детей-индиго, кроме того, конечно, что оба они были психопатами?

Закончив свою обвинительную речь, мужчина встал на колени и замолчал.

– Аллилуйя! – за стеной кто-то негромко рассмеялся. – Восславим Господа за передышку! Если Папа надумал помолиться, это надолго.

Кроме Тайны и Олеси, с этой стороны помещения была заперта еще одна женщина.

– Меня зовут Оля, – представился голос.

– А меня – Тайна. Он что, действительно твой папа?

– Еще чего!.. На моей памяти было много постояльцев, но этот хуже всех. Представь, скоро четыре месяца, как мне приходится слушать Библию! Поэтому я называю его Римским Папой. Сокращенно – Папой.

– А как его настоящее имя?

– Не знаю. Он сам этого не знает, у него выпадение памяти. Бродил по вокзалу, пока не угодил в милицию. Они его сюда отправили. Такие, как Папа, для Игоря Валерьевича – находка.

– Это почему?

– Никто никогда не хватится, делай что хочешь.

– Понятно, – протянула Тайна. – Скажи, а тебе не знаком

человек по имени Иван Николаевич?

– Опиши его подробнее, – заинтересовалась Оля.

– Высокий, бородатый, – припомнила Тайна. – Любил рассуждать о страхе...

– И умел создавать черный туман, от которого люди сходили с ума, – закончила за нее Оля. – Конечно, я помню его. Я же одна из первых, старожил закрытого крыла, так сказать. Откуда ты знаешь Ивана?

– Мы встречались. Он тоже говорил о рогах, как и этот ваш Папа.

Некоторое время за стеной было тихо. Тайна уже решила, что разговор окончен, когда Оля снова заговорила:

– Иван попал в больницу после того, как зарубил топором собственную жену. Врачам он сказал, что проснулся утром и обнаружил, что лежит в объятьях отвратительного чудовища.

– Может, его жена в тот день накраситься забыла? – встряла в разговор Кристина. – Или бигуди не сняла?

– Это вряд ли. – Оля, по всей видимости, не сочла шутку удачной. – Игорь Валерьевич начал изучать этот случай и вскоре обнаружил у Ивана странные способности. Иногда, во сне, его окутывала черная дымка. Обычно она была еле заметна, но иногда уплотнялась и расползалась вокруг, словно живая. Больным, чьи кровати стояли рядом с кроватью Ивана, становилось хуже. Некоторые окончательно теряли рассудок. А однажды, во время утреннего обхода, санитары

обнаружили в палате *нечто*. Говорят, это была уродливая тварь, наполовину человек, наполовину... что-то еще. С когтями и зубастым клювом.

Такое превращение из человека в монстра Тайне довелось наблюдать собственными глазами, когда черный туман из продырявленного батута растекся по котельной.

– И что было дальше? – спросила она.

– Тварь прикончили. А когда дело было сделано, оказалось, что никакого монстра нет. Санитары убили человека, одного из пациентов. Этот туман что-то делал с людьми, которых касался, изменял их, но после смерти все становилось как прежде. После этого случая Ивана перевели в запретное крыло. Доктор много работал с ним, провел несколько операций на мозге и в итоге научил управлять черным туманом. А потом Иван сбежал вместе со своей подружкой.

– С Леной, что ли? – уточнила Тайна.

– Да. Это были довольно странные отношения – здоровенный взрослый мужик и девочка-подросток. Но они каким-то образом спелись.

– Могу спорить, это не самое странное, что видела эта больница, – вставила Кристина.

– Эти двое – единственные, кому удалось сбежать из закрытого крыла. – Комментарий художницы Оля оставила без внимания.

– Ясно, – сказала Тайна, ловившая каждое слово, долетавшее из-за стены. – А что общего у Ивана Николаевича и у

этого вашего Папы?

– Папа *вторичный*, – произнесла Оля. – Игорь Валерьевич перекроил его мозги по схеме, которую узнал, копаясь в голове у Ивана.

– Похоже, у него получилось.

– Да. По ночам Папу окутывает черная дымка. Но, помо-
ему, он никогда не научится контролировать эту силу. Слиш-
ком безумный.

– Про жену, которую зарубили топором, – это забавно. А
в остальном дурацкая история, – высказалась Кристина.

– Совсем нет, это *страшная* история, – возразила Оля. И
добавила так, чтобы ее слышала только Тайна: – На твоём
месте я бы держалась подальше от Папы.

– Почему?

– Ты же не хочешь, чтобы твои рога увидели *все*.

Этого Тайна как раз не опасалась. Черный туман на нее не
действовал, равно как и рисунки Кристины, но Оля об этом,
конечно же, не знала. Ее рассказ, похоже, подошел к концу,
и Тайна переместилась к другой стене, поближе к камере, где
находилась Олеся. Оттуда доносились едва слышные всхли-
пывания.

– Эй, ты здесь? – негромко позвала Тайна, опустившись
на бетонный пол.

– Олеся тут, – послышалось из-за стены.

– Не бойся, с Милой все будет в порядке. Игорь Валерье-
вич думает, что это обычная кукла. Он наверняка бросит ее

в какой-нибудь ящик и забудет.

– Ну... да, наверное.

– Тогда чего ты плачешь? Боишься?

– Да. Олесенька боится, что на ней будут ставить опыты.

Резать ножами и колоть иголками.

По словам Оли, Игорь Валерьевич искал для своих экспериментов людей, которых никто не хватится. Бездомных, потерявших память, никому не нужных. Ставить запрещенные опыты на обычных пациентах было рискованно.

– Олеся, у тебя есть родственники? – спросила Тайна.

– У Олеси есть мама. Только ей лучше, когда Олесенька в дурке, а не дома.

– Все равно, главное, у тебя кто-то есть. Игорь Валерьевич не будет ставить на тебе опыты. Он, в конце концов, врач. Твоя мама может подать в суд, если он тебе навредит.

– Мама обрадуется, если Олесеньки не станет. Она говорит, лучше бы Мила осталась жить, когда машина разбилась, а Олеся умерла...

– У меня тоже есть родственники, но нашего доброго доктора это не останавливает, – фыркнула Кристина. – Если он сумеет вернуть мне способности, это вообще не будет иметь значения.

– Почему? – спросила Тайна.

– Вот ты, блин, тупая... – устало протянула Кристина. – При помощи моих рисунков он будет делать с людьми все, что пожелает. Раз – и Олеся осталась сиротой. Два – и мои

собственные родители отправились на тот свет. Стоит только все это нарисовать...

Оля негромко присвистнула, и в камерах воцарилась тишина.

Тайна легла на койку и принялась ждать. Спустя некоторое время она задремала и даже начала видеть сон, в котором летела на снежной сове, когда тишину нарушило металлическое лязганье. Тайна открыла глаза и увидела Артура. Он стоял у двери в ее камеру и возился с замком.

– На выход! – приказал медбрат, распахнув решетчатую створку.

Тайна нехотя слезла с кровати и двинулась к выходу. Игорь Валерьевич стоял возле крайней камеры и сосредоточенно просматривал какие-то распечатки. Девушка остановилась, оценивая обстановку.

– Шевелись! – рявкнул Артур и потянулся к Тайне, вероятно, намереваясь схватить ее за шиворот.

Он видел перед собой лишь вялую заспанную пациентку, а доктор вообще не смотрел в их сторону, погрузившись в изучение бумаг. Самый подходящий момент, чтобы выпустить жало.

Тайна быстро сунула руку в карман пижамы и выхватила нож. Ее преимущество было во внезапности, но Артур вовремя почувствовал опасность. Вместо того чтобы схватить, он оттолкнул Тайну и сам сделал шаг назад. Лезвие, нацеленное ему в живот, проткнуло воздух. Притихшие обита-

тели закрытого крыла зашевелились – Олеся, прильнувшая к решетке, издала короткий возглас, Папа начал во весь голос молиться. Тайна снова атаковала, понимая, что шанс уже упущен. Артур умело перехватил ее запястье и выкрутил руку. Кисть разжалась, и нож зазвенел о бетон.

Уже распластавшись на полу, прижатая сверху тяжеленным санитаром, Тайна увидела лакированные туфли Игоря Валерьевича.

– Что это значит?! – судя по голосу, доктор был не только разозлен, но и напуган. – Откуда у нее это?

Он двумя пальцами, словно боясь испачкать руки, поднял нож с пола.

– Я не знаю, – раздраженно откликнулся Артур.

– Обыщи ее как следует. И Симонову тоже!

Санитар поднял Тайну с пола, заставил просунуть руки между прутьями и защелкнул на запястьях наручники. Его ладони быстро прошли по одежде, но в карманах пижамы было пусто.

– Ничего!

– Хорошо. Симонову тоже проверь на всякий случай.

Артур отправился обыскивать Кристину, а Игорь Валерьевич подошел к Тайне.

– И где ты его раздобыла? – поинтересовался он, опуская нож в карман халата. Уже через мгновение Тайна почувствовала в собственном кармане знакомую тяжесть – жало, как всегда, вернулось к хозяйке.

– Не помню, нашла где-то, – недружелюбно отозвалась она.

Ничего опасней стертого уголька в карманах у Кристины не оказалось. Закончив обыск, Артур заковал обеих девушек в наручники и куда-то повел полутемными пустыми коридорами.

– Откуда ты взяла нож? – прошептала Кристина.

– Из кармана, – отозвалась Тайна.

– Поговорите у меня еще! – недовольно бросил Артур, пихнув художницу между лопатками.

Вскоре они очутились в душевой, пропахшей сыростью и ржавчиной. Артур приковал Кристину к водопроводной трубе, после чего заставил Тайну склониться над раковиной. Заскрипел кран, и в лицо полетели холодные брызги. Тайна не понимала, что происходит, пока из шкафчика не появились бритвенные принадлежности. Один взмах ножницами, и она увидела в руках у Артура собственную косу.

– Стой смирно, если не хочешь лишиться ушей, – произнес он, берясь за бритву.

«Фолко говорил, что у меня красивая коса, – вспоминала Тайна, наблюдая, как ее волосы пополам с пеной уплывают в круглое сливное отверстие. – Интересно, ему нравятся лысые девушки?»

Не прошло и десяти минут, как Тайна и Кристина были готовы к операции.

Из душевой они переместились в большую, пахнущую ме-

дикаментами комнату. Игорь Валерьевич с закатанными по локоть рукавами склонился над мойкой и мылил руки. Стены и пол операционной были выложены белым кафелем, в потолок уходила труба вытяжки. Посередине стояли два кресла, на подлокотниках и передних ножках которых были закреплены широкие ремни. Наклон спинки и подставки под голову регулировался рычагами. Между креслами располагался невысокий металлический столик – сейчас он был пуст, но Тайна не сомневалась, что скоро на нем появятся хирургические инструменты. Слева расположились мойка и застеленная белой простыней узкая кушетка, а справа – серые шкафы и громоздкие приспособления, назначения которых Тайна не знала. Вся комната была залита ярким светом.

Артур усадил девушек на кресла. Тайна наблюдала, как он снял с Кристины наручники и пристегнул ее руки и ноги ремнями. Привычное самообладание оставило художницу – ее била мелкая дрожь, губы тряслись, а кровь полностью отлила от лица. Казалось, еще чуть-чуть, и она грохнется в обморок. Проверив, крепко ли держат ремни, санитар занялся Тайной.

– Артур, будь добр, принеси стерилизатор, – попросил Игорь Валерьевич.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросила Кристина неожиданно высоким срывающимся голосом.

– Я же тебе все объяснил, – спокойно ответил врач, снимая крышку с принесенного Артуром стерилизатора и

раскладывая на столике зловещего вида инструменты. – Небольшая операция на мозге, ничего страшного.

– Вы сядете в тюрьму, когда это всплывет! – закричала Кристина, дергая ремни.

– У тебя будет время помечтать об этом. Первой будет твоя подруга.

– А почему я? – удивилась Тайна. – Вы же хотели Кристи-ну вылечить, вот и лечите.

– Я и собираюсь ее вылечить, – сказал Игорь Валерьевич, закрепляя голову Тайны ремнями. – С твоей помощью.

– Что?! – воскликнула Кристина. – Что значит «с ее по-мощью»?

– Все очень просто. Некоторые участки мозга Тайны повреждены. Я думаю, она получила травму в результате авто-мобильной аварии или побоев. Участок коры, который отве-чает за чувство страха, у нее полностью разрушен. Я хочу воспроизвести эти повреждения на твоём мозге, Кристина.

– Зачем? – выдохнула художница.

– Все твои проблемы, дорогая, носят нервный харак-тер, – весело произнес Игорь Валерьевич, вставляя сверло в дрель. – Вот посмотри на Тайну – я ей сейчас голову свер-лить буду, а ей все равно!

– Мне *не все равно*, – мрачно отозвалась Тайна.

– Да вы просто псих! – закричала Кристина. – Не смейте прикасаться к моему мозгу! Это мне не поможет!

– Поможет. Нет страха – нет проблем.

Тайна слышала над ухом жужжание электродрели, и в следующую секунду сверло вонзилось в череп. У нее потемнело в глазах, по шее за воротник стекла теплая капля крови. Сквозь непрерывный электрический свист, который, казалось, заполнил всю голову, Тайна слышала испуганные вопли Кристины. Дрель несколько раз смолкала и снова начинала визжать. Наконец доктор отложил инструмент в сторону. Тайна лежала в кресле, закрыв глаза и почти отключившись.

Игорь Валерьевич продолжал что-то делать с ее черепом, но девушка уже ничего не чувствовала. Она словно погружалась в океанские глубины, туда, где нет ни света, ни звука. И даже вопли и проклятия художницы звучали откуда-то издалека, пока совсем не стихли.

Тайна не знала, сколько времени пробыла без сознания. Когда она очнулась, в операционной царил относительная тишина – было слышно только позвякивание хирургических инструментов и скрип подошв о кафель. Тайна открыла глаза, скосила их влево – повернуть голову оказалось невозможно из-за ремней – и увидела обмякшую в кресле художницу. Ее рот приоткрылся, и по щеке стекала блестящая нитка слюны. На столе, где доктор разложил свои инструменты, Тайна разглядела странный предмет, похожий на плоскую окровавленную чашку. «Это же мой череп», – сообразила девушка.

– Как самочувствие? – раздался над самым ухом голос

Игоря Валерьевича.

– Нормально, – буркнула Тайна. – А у вас как дела?

– Замечательно, просто замечательно. Ваш мозг – это нечто!

– Что с Кристиной?

– С ней все будет хорошо, – пообещал доктор.

– Уверены?

– А что с ней сделается? Просто сознание потеряла. У нее же пока нет вашей выдержки.

Некоторое время Тайна тихо сидела, размышляя над тем, что сказал Игорь Валерьевич. Что будет, когда у Кристины *появится* выдержка? Когда она избавится от страха?

– Доктор, а вы не боитесь? – спросила Тайна.

– Чего мне бояться? – удивился Игорь Валерьевич.

– Менять Кристину по моему образцу. После этого вы можете ее не удержать.

– Твои способности еще предстоит изучить, – серьезным тоном произнес Игорь Валерьевич. – Все, что ты рассказала мне под гипнозом, очень интересно. Я не исключаю, что ты даже бессмертна, хотя это еще предстоит проверить. Плюс способность перемещаться во времени и пространстве. Хаотичная, неконтролируемая способность, но все же...

– Я никогда не оставалась там, где мне не нравилось, – сказала Тайна, ничего не зная о бессмертии и тому подобных вещах. – Поэтому я думаю, что вы не удержите Кристину.

– Думаю, я как-нибудь с этим справлюсь.

Доктор бросил скальпель в металлический лоток, по форме напоминающий человеческую почку, и переместился к соседнему креслу. Кристина все еще находилась без сознания. Тайне было любопытно посмотреть, как делают трепанацию черепа, но, к сожалению, кожаные ремни впивались в шею и не позволяли в полной мере насладиться этим зрелищем. Игорь Валерьевич взял у Артура наполненный шприц и отработанным движением впрыснул Кристине какое-то вещество. Девушка вскрикнула и судорожно изогнулась в кресле.

– Что вы мне вкололи?! – прохрипела она.

– Я сделал анестезию. Пока нам без этого не обойтись, – сказал Игорь Валерьевич и зачем-то подмигнул Тайне.

Использованный шприц полетел в мусорное ведро. Доктор вынул из кармана черный фломастер и несколькими точными штрихами нанес на обритую голову Кристины разметку.

– Трепан, – произнес Артур, передавая шефу готовую к работе электродрель.

Высокий ноющий звук, издаваемый сверлом, заставил Тайну поморщиться. Игорь Валерьевич, аккуратно следуя своей разметке, раз за разом погружал стальной бур в череп Кристины. Она была в сознании, но не издавала ни звука – только пальцы впивались в мягкие подлокотники кресла. Закончив, доктор выключил машину и передал ее свое-

му помощнику. Кровавые отверстия, оставленные сверлом, шли по кругу на одинаковом расстоянии друг от друга. Доктор нашел среди инструментов тонкую проволоку, покрытую блестящим алмазным порошком, и продел ее в только что просверленное отверстие. Тайну посетила странная мысль, что Игорь Валерьевич замыслил проткнуть Кристине мозги, но в этот момент конец проволоки показался из соседнего отверстия, прямо над виском. Абразивная нить вгрызлась в кость, и вскоре два отверстия – над правым ухом и над виском – соединились. Эту процедуру врач повторял до тех пор, пока черепная коробка Кристины не отделилась от головы. Тайна увидела мозг, все его извилины, похожие на лабиринт. Игорь Валерьевич, перехватив взгляд Тайны, произнес:

– Не правда ли, это зачаровывает? Никто не знает, какие загадки скрыты в глубинах мозга. Наука не очень-то продвинулась в этом направлении. Впрочем, я продвинулся дальше, чем все остальные.

Тайна не могла сказать, сколько времени продолжалась операция, но, по ее мнению, слишком долго. Доктор работал молча, часто перемещаясь от одного кресла к другому. Кристина выглядела безучастной к происходящему – создавалось впечатление, что к соседнему креслу привязана восковая кукла. Тайна также потеряла интерес к происходящему, ей хотелось, чтобы все это поскорее закончилось.

– Все, теперь будем ждать результатов, – произнес Игорь Валерьевич, бросая в лоток скальпель. – Артур, давай бинты.

Тайна сидела, закрыв глаза, и терпеливо дожидалась конца перевязки. И тут атмосфера в операционной странным образом переменялась. «Сейчас что-то случится», — поняла Тайна. Словно в подтверждение этой неожиданной мысли, по безлюдным помещениям закрытого крыла прокатился неясный гул. Стены и пол операционной содрогнулись, окровавленные инструменты зазвенели о металлическую поверхность стола, в шкафах заплясали пузырьки и банки с препаратами.

Тайна бросила заинтересованный взгляд на Кристину, но художница сидела в том же положении, что и раньше. Ее голова была перебинтована, а затуманенный взгляд нацелен куда-то вдаль.

— Ну вот, поздравляю, — констатировала Тайна. — Дождались результатов.

Артур начал говорить что-то о землетрясении, и в этот момент больницу сотряс взрыв. Свет замигал.

— Что за черт?! — воскликнул Игорь Валерьевич, но его голос потонул в грохоте опрокинувшегося шкафа.

Тайна увидела, как по белой стене зазмеилась трещина. Кафель отлетал, как рыба чешуя. Лампы под потолком раскачивались, отбрасывая тени на мебель из серого металла.

— Артур, помоги мне отвязать ее! — крикнул доктор и начал освобождать правую руку Кристины.

Санитар обошел кресло и склонился над ремнями. Как только Игорь Валерьевич расстегнул последнюю пряжку, ру-

ка Кристины, секунду назад безвольно лежавшая на подлокотнике, совершила молниеносное движение к столу, туда, где в беспорядке лежали хирургические инструменты. Девушка схватила скальпель и нанесла удар. Артур скончался мгновенно – лезвие глубоко вонзилось в его толстую шею.

Игорь Валерьевич неловко попятился, зацепился ногой за столик и растянулся на полу. Не теряя времени, Кристина освободила вторую руку. Тайна видела только ботинки доктора, и, судя по тому, что вставать он не торопился, падение оказалось для него неудачным.

Кристина расстегнула ремни, опутавшие ее ноги, поднялась с кресла и шагнула к Тайне. В руке она по-прежнему сжимала окровавленный скальпель. Несколько секунд девушки молча смотрели друг на друга. Неожиданно художница отшвырнула лезвие и принялась расстегивать ремешки.

– Спасибо. – Тайна встала с кресла и огляделась.

Игорь Валерьевич лежал на полу без сознания. Похоже, падая, он ударился обо что-то виском.

Лампы вспыхнули ярче и погасли; операционная погрузилась в полумрак. Очередной подземный толчок сотряс здание, и пол слегка наклонился. Все незакрепленные предметы начали медленно сползать в одну сторону, дверной проем перекосялся. С одного из шкафов полетела банка, наполненная раствором желтого цвета, – в жидкости плавал некий серый предмет, похожий на сильно раздувшийся человеческий мозг. Осколки стекла усеяли операционную, воздух на-

полнился неприятным химическим запахом.

– Надо уходить. – Кристина подошла к мертвому санитару и с трудом перевернула его на спину. – В мои рисунки вернулась сила, а я чего только не рисовала про эту больницу!

– Что ты задумала? – спросила Тайна.

– Чтобы убраться отсюда, нам нужны ключи.

Массивная связка висела у Артура на поясе. Кристина дернула ее, цепочка разорвалась, и ключи рассыпались по всему полу.

– А, черт! Собирай их, быстрее!

Немного света в операционную падало из коридора, но все же собирать приходилось на ощупь. Кристина тихо выругалась, угодив рукой в лужу крови, и вытерла пальцы о пижаму.

– Кажется, все, – сказала Тайна, выудив последний ключ из-под кресла и положив его в карман.

Девушки покинули операционную. Коридор, по которому они бежали, медленно разрушался. С потолка сыпалась пыль, стены расчертили пока еще тонкие зигзаги трещин. Свет беспрерывно мигал, и Тайна не сомневалась, что еще чуть-чуть, и они окажутся в полной темноте.

– Эй, ты куда?! – Тайна услышала голос Кристины и остановилась. – Выход там!

– Я должна вернуться за Олесей.

Кристина раздраженно махнула рукой и скрылась за поворотом.

Тайна пошла в другую сторону и вскоре отыскивала поме-

щение, где Игорь Валерьевич держал особых пациентов. Из камер слышался надрывный плач и громкие иступленные молитвы.

– Олеся? – позвала Тайна, прильнув к толстым прутьям входной двери.

В зале было темно, и только под потолком что-то искрилось и вспыхивало.

– Олеся здесь! – завопила девушка.

– Сейчас, подожди немного, – сказала Тайна, доставая ключи.

В дверь было врезано три замка; с двумя проблемы не возникло, а вот к третьему подходящего ключа не нашлось. Едва Тайна это осознала, как за ее спиной послышались торопливые шаги. Художница выглядела очень злой, свежие бинты, плотным коконом охватившие ее голову, были густо присыпаны пылью. Она не смогла покинуть запретное крыло, а значит, ключ от главной двери, ведущей в другой сектор больницы, оказался у Тайны.

– Ты вовремя, – сказала Тайна, глядя на Кристину.

– Давай сюда ключ! – потребовала девушка, протягивая открытую ладонь.

– Сначала вытащим остальных.

Несколько секунд сестры по крови буравили друг друга неприязненными взглядами, пока наконец художница не сдалась:

– Ладно, черт с тобой! Только быстро!

Они в два счета отомкнули последний замок и вошли в темный зал.

– Сначала вытащим Олесю, – сказала Тайна, направляясь к ее камере. – Ей страшно.

Ключей было много, а нужный никак не попадался. Олеся, схватившись за решетку, тихо поскуливала. Неожиданно дверь, ведущая в тюремный отсек, с громким лязгом захлопнулась. Девушки разом оглянулись и увидели Игоря Валерьевича, который поспешно запирает замки. Его очки были разбиты – одно стекло вылетело, а по второму шла зигзагообразная трещина.

– Замечательно, – процедила Кристина. – Мы оставили все три ключа в двери.

– Жаль, что все так закончилось, – сказал доктор.

– Вы погибнете вместе с нами, – напомнила Тайна. – Ключ от запретного крыла у нас.

– Разумеется, он у вас! – согласился Игорь Валерьевич. – Поэтому я предлагаю обмен. Я даю вам два ключа от этой двери, а третий оставляю себе. А взамен вы дадите мне главный ключ. Идет?

– Нет, – отрезала Кристина. – Какой в этом смысл?

– С тремя замками вам никогда не справиться, – напомнил доктор.

– Нам и с одним замком не справиться, – заметила Тайна. – Выпустите нас. Вместе мы спасемся.

– Что? Выпустить? – Игорь Валерьевич рассмеялся. – Нет,

я вас не выпущу.

– Он блефует, – произнесла Кристина, не отрывая полного ненависти взгляда от врача.

– Нет, – со знанием дела сказала Тайна. – Ты его слишком напугала. Он погибнет под развалинами, но тебя на свободу не выпустит.

– Правильно, – процедила художница. – Я с этим козлом такое сделаю, что трепанация черепа нежным поцелуем покажется.

– А может, он решил, что ты остановишь все это, если не сможешь покинуть больницу? – размышляла Тайна. Она задумчиво посмотрела на доктора и неожиданно улыбнулась: – Хорошо, мы согласны. Давайте меняться.

– Как это меняться?! – опешила Кристина.

– Все будет хорошо, я знаю, что делаю, – сказала Тайна, понизив голос. – Просто доверься мне.

– Ты же ничего не соображаешь, – прошипела Кристина. – Как я могу тебе довериться?

– А ты рискни.

Художница недовольно поджала губы, но все-таки кивнула.

Игорь Валерьевич открыл два замка, получил заветный ключ и без лишних слов скрылся за поворотом.

– И зачем мы это сделали? – поинтересовалась Кристина. – Может, объяснишь?

– А ты обратила внимание на его очки?

– Что с ними? – спросила художница, теряя терпение.

– Они разбиты, точно как на твоём рисунке, – сказала Тайна. – А еще на этом рисунке у него скальпель из шеи торчал. Не думаю, что он сумеет далеко уйти.

Несколько секунд Кристина молча переваривала услышанное, а потом передернула плечами:

– Ладно, подождем. Давай пока освобождать твою дурочку...

– Может, заодно и мою камеру откроете? – спросила Оля. – Раз уж вы теперь никуда не торопитесь...

Спешить действительно было некуда. Оля оказалась худым, нервным на вид подростком. Короткая стрижка не скрывала рубцов на лбу и висках. Последней Тайна отомкнула одиночку, в которой сидел Папа.

– Я готов разделить участь Самсона, погребенного под развалинами храма, – донеслось из глубины камеры.

– Ну-ну... – сказала Тайна на прощание. – Но я на всякий случай оставлю дверь открытой.

– Мила! – внезапно завизжала Олеся, хвостиком ходившая за Тайной, пока та освобождала Олю и Папу. – Мила, мы здесь!!!

Тайна огляделась, но никого не увидела. По коридору, куда указывала Олеся, метались тени – те лампы, что еще продолжали работать, раскачивались на выданных из-под штукатурки проводах. Кристина, а следом за ней и Тайна подошли ближе к двери. К ним навстречу, смешно перестав-

для короткие тряпичные ножки, брела Олесина сестра. На ее лоскутном платье и круглом кукольном лице появились свежие кровавые пятна. По полу она волокла старый тяжелый ключ – тот самый, с помощью которого открывался последний замок.

– Ну надо же, – только и сказала Кристина.

Мила с легкостью проскользнула между прутьями. Пока Олеся радостно тискала сестру, Тайна открыла последний замок. Путь был свободен, и вся компания поспешила к выходу. Одним из первых из темного зала на свет выскочил Папа. К тощей груди он бережно прижимал Библию – ну точь-в-точь Олеся со своей куклой.

– Вы же остаться собирались, – бросила на бегу Тайна.

– Я еще не готов предстать перед Творцом, – ответил Папа недовольным голосом. – Сначала надо покаяться, принять причастие...

С потолка, поднимая тучи пыли, падали огромные куски штукатурки, сыпала искрами разорванная проводка. Беглецы ворвались в вестибюль. Здесь ощущался едкий запах гари, из-под стальной двери ползли черные щупальца дыма, словно лаская распластавшегося на полу Игоря Валерьевича. Скальпель в шее, разбитые очки на полу – все соответствовало рисунку Кристины. Похоже, Мила взобралась по медицинскому халату, пока доктор пытался открыть замок, и поставила точку единственным точным ударом.

Тайна вынула ключ из пальцев Игоря Валерьевича и вста-

вила его в замочную скважину.

– Не поворачивается...

– Дай я попробую. – Кристина плечом отодвинула Тайну и подергала ручку. – Заклинило! Все стены в трещинах, дверь перекосило. Дьявол!

Товарищи по несчастью растерянно переглядывались. Кристина продолжала раздраженно толкать дверь и сыпать проклятиями, а Тайна разбрасывала ногой обломки, надеясь найти что-нибудь похожее на лом или рычаг.

– Наверное, я могла бы убрать эту дверь, – услышала Тайна тихий напряженный голос и оглянулась.

Это была Оля. Она подошла к двери и провела пальцами по стальной поверхности.

– Так убирай, – сказала Тайна.

– Пообещайте, что не бросите меня здесь, – голос Оли дрогнул. – После этого я всегда теряю сознание.

Тайна кивнула. Она бы и так не бросила человека в рушащемся здании, но, похоже, Оля никому не доверяла.

– Давай уже, делай! – поторопила Кристина.

Оля подошла к тяжеловесному бюсту, стоявшему в глубине вестибюля, и положила на него руки. Гранитный Ленин стоял здесь, должно быть, с открытия лечебницы и весил тонну. Оля закрыла глаза, опустила голову, и вскоре ее пальцы окутало бледно-зеленое свечение. Оно становилось все ярче и вскоре полностью охватило изваяние. Ильич светился так, словно кто-то ради шутки натер его фосфором.

– Давайте-ка отойдем от двери, – предложила Кристина.

Беглецы без лишних слов расступились. В этот момент бюст оторвался от постамента и, медленно вращаясь, поднялся в воздух. Какое-то время пальцы девушки еще касались камня, а потом изваяние поднялось выше, а Оля застыла под ним с поднятыми руками. На ее исчерченных шрамами висках и худой шее вздулись вены. Несколько секунд Оля просто стояла, видимо, собираясь с силами, а потом всем корпусом подалась в сторону двери. Бюст, будто выпущенный из катапульты, пронесся через вестибюль и с оглушительным грохотом выбил дверь вместе с коробкой. Из открывшегося проема дохнуло жаром, а Оля безвольно повалилась на пол.

Первым в образовавшуюся дыру выскочил Папа, за ним последовала Олеся, бережно прижимавшая к себе Милу. Кристина скорчила недовольную мину, но все-таки помогла Тайне протащить Олю через пролом.

В больнице бушевал пожар, однако в коридорах первого этажа огонь только набирал силу. Судя по крикам, на лестнице приключилась давка, поэтому путь наружу пока что был свободен. Кашляя от дыма и жмурясь, Тайна и Кристина протащили девушку до вестибюля и там перепоручили заботам санитаров. Персонал пытался помочь больным покинуть горящее здание, но перепуганные пациенты отнюдь не облегчали врачам и санитарам задачу.

Тайна и Кристина, держась друг за друга и отчаянно каш-

ляя, спустились по ступенькам и побрели прочь от гибнущей больницы. Вокруг в отсветах пожара метались пациенты, кто-то с плачем и воплями, кто-то — с безумным хохотом.

— Психи разбегаются, — сказала Тайна, оглядываясь.

— Правильно делают, — буркнула Кристина.

Девушки поравнялись с гипсовым ангелом и остановились, глядя друг на друга.

— Все это ничего не меняет, — проговорила Кристина. — Когда в следующий раз встретимся, я тебя все-таки убью.

— Ты думаешь, получится?

— Думаю, я единственный человек...

— ...у которого это может получиться, — закончила за нее Тайна. — *Это* ты хотела сказать?

Кристина усмехнулась, двумя пальцами отсалютовала сестре и двинулась прочь. Когда силуэт художницы почти растаял во мраке, Тайна пожала плечами и произнесла:

— Попытайся. Все равно ты *вторичная*.

Ворота были распахнуты, будка охранника пустовала, и пациенты беспрепятственно покидали территорию больницы. Довольная тем, как все закончилось, Тайна последовала их примеру.

Интерлюдия шестая

Бедлам на пожарище

- Быстро, носилки сюда!
- Помогите мне его вытащить!
- Тут завал, не пройти!..

Вокруг больницы слышались крики и вой сирен; повсюду носились спасатели, перетаскивая раненых и обожженных в машины скорой помощи. Госпиталь, еще недавно казавшийся неприступной крепостью, с бетонным забором, шлагбаумом, постом охраны и стальными воротами, способными выдержать натиск варварской орды, в одночасье превратился в проходной двор. Ворота были распахнуты, через них то и дело въезжали и выезжали пожарные машины. Люди в форме и ярко-желтых защитных костюмах бегали, не обращая

внимания на собравшуюся за ограждением толпу. Над зданием психбольницы, за ночь превратившимся в руины, висел густой черный дым. Пожарные поливали из брандспойтов очаги пламени, водяные струи вздымались на десятки метров, но полностью справиться с огнем пока не удавалось. Внезапно звуки сирен и вопли пострадавших потонули в серии громких хлопков, похожих на выстрелы. Все, кто находился неподалеку от ворот, в том числе и Вера с Альбертом, инстинктивно втянули головы в плечи. Какой-то дедушка в больничной пижаме и тапочках на босу ногу бросился на землю.

– Без паники! – крикнул пробежавший мимо пожарный. – Это шифер лопается!

– Чтоб его, этот шифер... – сплюнула Вера.

– Полностью согласен, – пробормотал Альберт.

Он крайне нервозно реагировал на громкие звуки, мигание сирен и расползающийся по округе едкий дым. Здесь, среди суеты и шума, детектив определенно был не в своей тарелке и не выпускал из руки карманные часы.

Вдалеке слышался нарастающий гул вертолетов.

– С воздуха тушить будут, – предположил кто-то из зевак.

– Не, это за пострадавшими, – возразил другой. – Вертолетами будут по больницам развозить.

Вера и Альберт оказались в довольно пестрой компании. Среди собравшихся были родственники пациентов, многие в слезах и с фотографиями пропавших без вести; простые лю-

бопытающиеся, для которых пожар был не трагедией, а развлечением; люди в больничной одежде. Кое-кто из последних невпопад смеялся, корчил гримасы или надувал пузыри из слюны.

Взвыла очередная сирена, и возле ворот затормозил милицейский «бобик». Двери распахнулись, и выскочившие из машины милиционеры принялись оттеснять толпу и переносить ленточное заграждение подальше от входа.

– Всем разойтись, не мешайте спасателям!

Гражданских отодвинули метров на двадцать от ворот, и Вера с Альбертом перестали видеть, что происходит во дворе лечебницы.

– Ты думаешь, Тайна успела покинуть здание? – произнес Альберт, прикрывая нос кружевным платком с вышитой анаграммой «Б.К.». Его глаза, и без того красные, от едкого дыма сделались похожими на два налитых кровью шарика под белоснежными бровями.

– Зная Тайну... она все это и устроила... – пробормотала Вера, впрочем, без особой уверенности в голосе. Она хотела продолжить мысль, но кто-то посту чал ей по плечу, призывая к вниманию. Девушка оглянулась и увидела парня в больничной робе, с круглым одутловатым лицом и широко поставленными маленькими глазками.

– Ты страшная! – с трудом ворочая толстым языком, произнес он.

– На себя посмотри, дебил, – недружелюбно отозвалась

ведьма.

Пациент залился радостным смехом, будто Вера выдала отменную шутку, а детектив взял ее под локоть и повел прочь.

– Нечего здесь стоять, – произнес он сквозь платок. – Тайна может быть среди пациентов. Надо пройтись, опросить свидетелей...

Вера через плечо бросила недобрый взгляд на круглолицего, но того уже уводил милиционер. Парень, продолжая глупо хихикать, безропотно шел в сторону огромного шатра, развернутого на безопасном расстоянии от забора.

– Всех больных ведут туда, – сказала Вера, кивнув в сторону палатки. – Наверняка там есть информация о пострадавших, какие-то списки...

– Скорее всего, – согласился Альберт.

Большинство больных, похоже, восприняли происходящее как незапланированную прогулку. Пожар случился поздно ночью, и пациенты, которым посчастливилось покинуть здание целыми и невредимыми, разбрелись по окрестностям. Патрули прочесывали близлежащие районы и возвращали сбежавших на место – Вера и Альберт видели, как из остановившейся милицейской машины вытащили упирающегося мужчину в пижаме и наручниках. Он ругался и кричал что-то о нарушении прав человека. Впрочем, большинство пациентов проявили похвальную сознательность. Они тихо наблюдали за работой пожарных, кое-кто даже самосто-

ательно направлялся в палатку, где пострадавшим выдавали пледы и бутылки с водой.

Не без труда Альберт и Вера пробились к шатру. У входа толпились родственники потерпевших, примчавшиеся сюда, как только по телевизору и радио объявили о пожаре. Все они требовали ответа – что случилось и где их родные.

– Мама не ходит! Она может до сих пор оставаться в здании! – рыдала молодая девушка на плече у мужчины.

– Где списки?! – орала какая-то бабушка, потрясая клюшкой.

Из палатки вышла врач – усталого вида женщина в синей униформе – и громко произнесла:

– Уважаемые! Здесь произошла трагедия, и мы знаем не больше вашего. В том, почему случился пожар, будут разбираться специалисты.

– Это теракт! – крикнул кто-то. – Мне говорили, был взрыв!

– Не надо нагнетать панику! – Женщина обвела толпу раздраженным взглядом. – Я, например, ничего не слышала про взрыв. Кстати, некоторые мои коллеги сегодня ночью пропали без вести, а они тоже чьи-то родные! Пожалуйста, проявите терпение!

Попытки врача успокоить толпу были встречены криками и угрозами:

– Мы вас засудим!

– Хотя бы пустите нас в палатку, чтобы увидеть, кто жив!

Женщина подняла руки, взывая к тишине:

– Поймите, в палатке – больные люди! Психически больные! Они напуганы, и мы пытаемся их успокоить. Я не имею права вас туда пустить, это опасно. Часть раненых увозят в Краевую больницу. Сейчас мы составляем списки, и как только они будут готовы, мы их сразу же вывесим!

– На каком сайте? – спросила Вера.

– На стене палатки. – Врач бросила на нее удивленный взгляд.

– Тьфу... – пробормотала ведьма, засовывая смартфон обратно в карман. – Обожаю две тысячи второй...

Женщина вернулась в шатер, и вход тут же загородили два неприветливых милиционера. Они не пускали внутрь никого, кроме медперсонала и своих коллег, занятых отловом сбежавших пациентов.

Альберт и Вера переглянулись.

– Что будем делать? – спросила ведьма. – Я очень сомневаюсь, что Тайна в этой палатке. Но если она там, мы об этом узнаем, когда появятся списки.

– Совершенно верно, – кивнул детектив. – А пока, боюсь, нам придется про...

– Вы не видели эту девушку? Она называет себя Тайной.

Альберт осекся на полуслове и вытаращился на юношу-очкарика, который показывал милиционеру, стоящему на входе в шатер, квадратный полароидный снимок. Худой и длинноволосый, парень теребил в руках тряпичную куклу,

измазанную в саже. Милиционер бросил короткий взгляд на снимок и отрицательно покачал головой.

– Идем! – Детектив схватил Веру за руку и потащил вперед. – Эй! Молодой человек! Вы сказали – Тайна?

Парень остановился как вкопанный:

– Да! Да, Тайна! Где она? Вы ее видели?!

– К сожалению, нет. Но мы сами ее ищем.

Взгляд юноши моментально сделался подозрительным. Он убрал снимок в карман и произнес:

– Значит, ищите?.. Странно. У нее же нет родных в этом городе. Может, объясните, зачем она вам? И вообще... вы кто такие?

– Я – частный детектив. – Альбинос сдержанно поклонился. – Ищу Тайну по заданию... заинтересованного лица.

– А лучше ничего придумать не могли? – фыркнул молодой человек. – Знаете, что я думаю? Вы жулики, которые надеются содрать денег с родственников тех, кто сегодня пропал без вести. И сколько вы попросите за информацию о Тайне? Или что там у вас по сценарию?

– Что? – опешил Альберт. – Мы – жулики?

– Конечно. Я на таких еще в девяностые насмотрелся. Типичные лохотронщики!

– Знаешь, приятель, – вступила в разговор Вера, – ты правильно делаешь, что никому не доверяешь. Мы действительно выглядим подозрительно. Хотя в данный момент ты меня так бесишь, что еще слово о жуликах, и тебе до пенсии при-

дется на бабок работать. Честно.

– Каких бабок? – удивленно моргнул юноша.

– Которые порчу снимают, – буркнула ведьма. – И сглаз отчитывают.

– Ну понятно. До свидания! – Наградив Веру и Альберта неприязненным взглядом, молодой человек двинулся прочь. Куклу он сунул под мышку.

– Кто же так обрабатывает свидетелей? – Альберт укоризненно посмотрел на Веру и бросился вслед за длинноволосым.

– А что я такого сказала? – Ведьма с недовольным видом последовала за детективом. – Это у него язык без костей! А еще, – взгляд Веры сделался цепким, словно рыболовный крючок, – эта кукла у него в руках. Могу спорить, с ней что-то не так!..

Убежавший на несколько шагов вперед Альберт ее уже не слушал.

– Послушайте, сэр! – крикнул он. – Давайте будем считать, что этого разговора не было, и начнем все сначала.

Молодой человек оглянулся. Судя по выражению лица, он не изменил своего мнения относительно подозрительной парочки и не горел желанием продолжать разговор.

– Мы не жулики, не охотники за головами и не террористы! Меня зовут Альберт, и я действительно частный сыщик. А это Вера, моя помощница. Мы на самом деле ищем девушку по имени Тайна.

– Если так, вы должны знать хотя бы, как она выглядит, – сказал юноша. – Но я думаю, все, что вам известно, – это имя, которое вы подслушали, когда я разговаривал с ментом.

– Тайна – среднего роста, худая девушка, – произнесла подошедшая Вера. – Глаза зеленые, волосы темные. Когда мы познакомились, она заплетала их в косу, а как сейчас – не знаю. С тех пор прошло... несколько лет.

Парень молча слушал. Его лицо сделалось бесстрастным, как у игрока в покер.

– Голос у Тайны тихий и невыразительный, – продолжала Вера. – При всех ее... особых талантах, она бы точно не стала диктором на телевидении. Продолжать?

– Вы сказали про особые таланты, – проговорил юноша. – О чем это вы, интересно?

– Покажи на кого-нибудь, – предложила Вера. – Просто выбери любого человека из толпы.

– Что? Зачем?

– Делай, что я говорю!

– Ну ладно... – Юноша огляделся и указал на проходившего мимо человека в пижаме и тапочках. – Вон тот рыжий, в больничной одежде.

– Отлично, – кивнула Вера, интенсивно потирая ладони. – Смотри, сейчас он споткнется и упадет.

Она прищурилась и что-то пробормотала. В тот же миг у рыжего заплелись ноги, он вскрикнул и повалился на истоптанную траву. Одна его тапочка осталась на ноге, а другая

улетела в сторону.

— Понятно, — сказал молодой человек, наблюдая, как прохожие помогают упавшему подняться и отряхнуть одежду. — Значит, вы двое из... одаренных.

— Да, да, — затараторил Альберт. — Теперь, когда мы во всем разобрались, может, скажете, что вам известно про Тайну? И кстати, кем вы ей приходитесь?

— Я ее близкий друг. А то, что вы можете показывать всякие фокусы, еще ничего не значит. Может, вы хотите навредить Тайне.

Вера закатила глаза, и сыщик, предчувствуя очередную вспышку раздражения с ее стороны, предупреждающе поднял руку:

— Мы здесь не для того, чтобы вредить. Тайна и так сейчас находится не в лучшем положении. Но есть одна женщина, наделенная особыми способностями. Она хочет помочь.

— Они раньше были знакомы? — уточнил юноша.

— Нет, им не приходилось встречаться.

— Тогда я сомневаюсь, что эта встреча поможет Тайне вернуть память...

— Так она память потеряла?! — всплеснул руками Альберт. — Ушки мои, усики!!! Это же все объясняет!

Детектив уронил носовой платок в грязь, но даже не заметил этого.

— А я не мог понять, что это за нелепые скачки по времени и пространству! Тайна просто не знает, куда идти, а кошмары

Черного Короля искажают реальность у нее на пути! И она не может выбраться из череды его снов, а сны становятся все страшнее!

– Что вы несете? – пробормотал юноша, с опаской глядя на разволновавшегося детектива.

Вера подняла платок и вложила в трясущуюся руку Альберта. Детектив рассеянно провел им по лбу, оставив над белыми бровями горизонтальную грязную полосу.

– Приятель, если у тебя есть какие-нибудь соображения, где сейчас может быть Тайна, лучше скажи, – произнесла ведьма. – От этого действительно многое зависит. Скрывая что-то от нас, ты можешь только навредить Тайне.

– Да я и сам хотел бы знать, где она! – резко ответил парень, а потом, поколебавшись, добавил: – Один дурик вроде бы видел, как Тайна села в трамвай и уехала. Но тут нет трамвайных путей, а этот человек потом скинул пижаму и побежал обратно в огонь. Пожарные еле его остановили. Сомневаюсь, что эта информация вам как-то поможет...

– Конечно, нам это поможет! – просияла Вера и, схватив Альберта под руку, поволокла прочь от шатра.

Длинноволосый проводил их удивленным взглядом.

– Что за трамвай? – спросил Альберт, тараща воспаленные от дыма глаза. – Я не понимаю!

– Самый обычный трамвай через измерения! Ходит по рельсам, проложенным через червоточины, и заодно подхватывает тех, кто ждет его на нужной остановке.

– То есть Тайна опять сбежала?.. – застонал детектив. – Королева Плезанс будет в ярости!..

– Я знаю, где искать Тайну, Альберт! – воскликнула Вера. – Но сами мы не справимся, нам срочно нужна Алиса! Или как там ты ее называешь – Плезанс!

Сон шестой

Great puppet

Тайна стояла на остановке и вглядывалась во мрак. Она ждала, не покажутся ли вдалеке две желтые точки – фары трамвая.

Ночь была сырой и неуютной, с неба то и дело падали мелкие холодные брызги. Тучи, точно лохматые черные собаки, отряхивались и бежали дальше. Свет уличных фонарей был не в состоянии рассеять темноту, а ночь закипала, подобно чайнику на медленном огне. Тайна чувствовала это неясное напряжение, как ощущала бы рассеянное вокруг статическое электричество или чей-то цепкий взгляд, нацеленный в спину. Неожиданно ее посетила мысль, которую она поспешила высказать вслух:

– Это уже не дурка. Это какое-то другое место.

Действительно, ничего похожего на больницу здесь не было, только одноэтажные дома с темными окнами и трамвайная остановка. Тайна понятия не имела, зачем высматривала фары и куда собиралась ехать. Она помнила, как вышла за ворота лечебницы в сопровождении десятков других пациентов, а потом был провал. Кажется, она свернула в такое место, куда большинство людей свернуть не сумели бы, и там на какое-то время потерялась. Оглядев себя, Тайна обнаружила, что надоевшую больничную пижаму сменила ее прежняя, нормальная одежда. Мало того, никаких следов трепанации на голове не оказалось, бинты исчезли, а коса вернулась на место.

– Вот оно как, – пробормотала Тайна, на всякий случай дергая себя за косу. Та держалась крепко.

Относительную тишину улицы нарушили чьи-то шаги и веселые голоса. Тайна прекратила дергать себя за волосы и повернулась на звук. В темноте над мостовой плыл оранжевый огонек. Он медленно приближался, и вскоре девушка разглядела широкий светящийся оскал и два круглых пылающих глаза. Чудовище выглядело веселым и немного безумным. Тайна, которой и прежде доводилось встречать чудовищ, хотела поздороваться, но когда хозяин оранжевых глаз шагнул из полутьмы в пятно искусственного света, сразу стало понятно, что это всего лишь тыква, над которой кто-то поработал ножом и поместил внутрь маленький фонарик. Тык-

ву нес молодой человек в черном плаще с бордовой подкладкой. У него были блестящие, зачесанные назад волосы, а из-под верхней губы торчали окровавленные клыки. За время, проведенное в фэнтези-клубе, Тайна научилась отличать орков от гоблинов, а темных эльфов от светлых и сейчас моментально сообразила, что перед ней самый настоящий вампир, причем недавно поужинавший. Следом за ним шла целая толпа удивительных созданий, все они кричали, смеялись, завывали и даже пытались петь. Процессия поравнялась с Тайной. Твари выглядели дружелюбно, и она решила с ними заговорить:

– А что тут происходит?

– Канун Дня всех святых, – любезно пояснил вампир, а какая-то ведьма загадочным голосом добавила:

– Сегодня между мирами появляются разломы. Это праздник нечистой силы!

– Ага, ну с праздником, – сказала Тайна вслед удаляющимся чудищам.

Проводив взглядом пеструю компанию, она с удивлением обнаружила, что посреди улицы, гостеприимно распахнув все двери, застыл трамвай. Кабина водителя была темной, лобовое стекло отражало блики уличных фонарей. Тайна не слышала, как вагон подъехал к остановке, казалось, он просто материализовался на рельсах. На металлической пластинке, где обычно писался номер маршрута, красовалась грубо нарисованная цифра «0». Тайна поняла, что трамвай

приехал за ней, и быстро поднялась по ступенькам. Вагон был пуст – ни пассажиров, ни кондуктора.

– Студенческий, – на всякий случай сказала Тайна и села возле окна.

Двери бесшумно захлопнулись, и вагон тронулся с места. Вот они обогнали компанию веселой нечисти – Тайна помахала им рукой, но никто даже не оглянулся. Трамвай бесшумно скользил вперед, так, словно его колеса вовсе не касались рельсов. Если бы не мелькавшие за окнами огни, можно было бы подумать, что они стоят на месте.

Тайна прижалась лбом к стеклу и ладонями отсекла свет тусклых ламп, освещавших салон.

За окном происходило что-то непонятное. Тайне казалось, что она смотрит не на сам город, а на его отражение в воде. Время от времени вода шла рябью, словно кто-то ударял по ее поверхности. Каждый раз здания, деревья и темные силуэты редких прохожих обретали прежнюю четкость, но все же – Тайна была уверена – с каждым ударом невидимой руки город менялся.

Прошло около получаса. Город остался позади, за окном мелькали одноэтажные дома с маленькими окошками и провисшими ставнями, покосившиеся заборы и какие-то существа, не то люди, не то животные, вставшие на задние лапы. Один раз – Тайна готова была в этом поклясться – они проехали мимо всадника, на плечах у которого была лошадиная голова. У лошади, наоборот, было человеческое лицо, а вме-

сто гривы – зеленый ирокез.

Наконец трамвай остановился, и в распахнувшуюся дверь вошел еще один пассажир – высокий мужчина в сером пальто и кепке, надвинутой на глаза. Он сел впереди Тайны. Трамвай продолжил свое путешествие по нулевому маршруту. Тайна не собиралась заводить разговор, но мужчина сам повернулся к ней и произнес с едва заметным иностранным акцентом:

– Странно увидеть тебя *здесь*.

– А кого здесь увидеть *не* странно? – вежливо осведомилась Тайна.

– Мало ли... – Мужчина неопределенно махнул рукой. – Всякий народ встречается. А вот для чего *тебе* понадобился трамвай?

– По-моему, все понятно, – пожала плечами Тайна. – Трамвай мне нужен для того, чтобы попасть из одного места в другое.

– Да неужели? – в голосе мужчины послышалось искреннее удивление. Он поднялся и, придерживаясь рукой за поручень, пересел ближе к Тайне. Теперь она могла разглядеть его лицо – небритые щеки, тонкие губы и голубые, словно выцветшие на солнце глаза. – А мне кажется, что своим ходом ты попала бы туда гораздо быстрее.

Тайна выжидающе уставилась на собеседника.

– Я просто пытаюсь понять, – вздохнул мужчина, – зачем человеку, который ходит между мирами, пользоваться услу-

гами общественного транспорта?

Тайна не знала, какого ответа от нее ждут, и молча смотрела на попутчика. Тот рассмеялся сухим лающим смехом.

– С одной стороны, ты очень одаренная девочка, а с другой, уж прости за прямоту... stupid girl!

Тайна продолжала изучающе смотреть на собеседника. Почему-то этот человек и этот разговор нравились ей все меньше и меньше.

– Ты позволишь? – Мужчина извлек из внутреннего кармана пальто небольшой металлический термос и открутил крышку.

В трамвае было прохладно, и над термосом тут же закрутился легкий пар. Тайна почувствовала запах лимона и бергамота.

– Видишь ли, без этого мне никак, – произнес мужчина, наливая в крышечку горячий чай и делая осторожный глоток. При этом его острый кадык совершил быстрое движение вверх-вниз. – Вечный five o'clock, будь он неладен...

– Вы что-то говорили про трамвай, – напомнила Тайна.

– Ах да, трамвай, – кивнул мужчина, брезгливо посмотрел в чашку и с видимой неохотой сделал еще глоток. – Посмотри за окно. Все изменяется! Чем больше остановок мы проедем, тем сильнее изменится мир вокруг нас. Видишь ли, Вселенная – это одна большая книга, а трамвай, в котором мы едем, своего рода книжный червь. Но есть люди, которым не нужен никакой трамвай, чтобы перепрыгивать со страни-

цы на страницу. Вообще ничего не нужно. – Собеседник бросил на Тайну странный долгий взгляд. – Ходить между мирами, не пользуясь червоточинами, – великое искусство. Но ведь ты этого не понимаешь, я прав? Ты как животное, которое не думает головой, а просто делает то, что делается.

– Это звучит грубо, – произнесла Тайна.

Она делала вид, что внимательно слушает собеседника, а сама прикидывала, сколько времени ей понадобится, чтобы достать нож.

– И вот я никак не мог понять, – продолжал вещать мужчина, пропустив замечание Тайны мимо ушей, – как тебе удалось сбежать от моих марионеток? Тебе! А ведь от них мало кто уходил целым и невредимым, и уж точно не два раза подряд!

«Ах вот оно что», – подумала Тайна. Теперь она знала, кто едет вместе с ней по нулевому маршруту. Тот, кто заставил труп Ивана Николаевича встать на ноги и гнаться за ней под проливным дождем до самой «Комнаты смеха». Тот, кто превратил музей восковых фигур в кукольный театр. Тот самый загадочный Кукловод.

– Знаешь, последние лет сто мне довольно непросто выходить из дома. Для этого приходится, – мужчина с нескрываемой ненавистью посмотрел на термос, – прибегать к разным ухищрениям. Но ради того, чтобы посмотреть на тебя, я совершил эту небольшую прогулку. И знаешь что?

– Что? – спросила Тайна, наблюдавшая за каждым движе-

нием собеседника, как наблюдала бы за ядовитой змеей.

– Я разочарован! Ты – не Плезанс, далеко не Плезанс! Даже обидно тратить на такую, как ты, мое искусство. Однако дело сделано, и скоро ты встретишься с моим величайшим творением, моей... great puppet!

– Чего? – переспросила Тайна.

– Ничего! – передразнил мужчина, одним глотком допил чай и закрутил крышку термоса.

Внезапно Тайна поняла, что трамвай стоит. Двери распахнулись, издав приглушенный вздох.

– О, кажется, моя остановка. – Мужчина встал и направился к выходу. – Надо возвращаться! Чертов Заяц может таких дел наделать в мое отсутствие! Надеюсь, от сервиза хоть что-нибудь осталось...

– Чего вы ко мне прицепились со своими дурацкими марионетками? – спросила Тайна. – Это как-то связано с Черным Королем?

– Он проснется. – Фигура в сером плаще на секунду застыла в дверях. – Ни ты, ни Плезанс не сможете этому помешать.

Потом Кукловод растворился в темноте, а трамвай вновь заскользил сквозь ночь. Тайна не знала, что такое great puppet, но это уж точно не было чем-нибудь хорошим и приятным. «Надо быть начеку», – думала она, глядя в окно. Там клубился туман, и в нем время от времени проступали горбатые тени со светящимися круглыми глазами. Вагон слег-

ка покачивался, плавное движение убаюкивало, и вскоре девушка задремала, прислонившись к стеклу.

* * *

Было холодно и неудобно. Тайна потянулась – от неудобного пластмассового сиденья болела спина – и разлепила глаза. Бледный утренний свет делал все окружающие предметы одинаково тусклыми. Казалось, в своем путешествии по нулевому маршруту трамвай случайно заехал в старый черно-белый фильм. Тайна протерла рукавом холодное запотевшее стекло и окинула взглядом открывшийся за окном вид. Вагон, мягко покачиваясь на рессорах, катил через бескрайние заснеженные поля. Было непонятно, где заканчивается укрытая снегом земля и начинается небо – и то и другое было одинакового цвета грязной овечьей шерсти. Временами унылую панораму нарушали темные угловатые силуэты давно разрушенных, занесенных снегом зданий.

Трамвай остановился, двери распахнулись, но никто не спешил подняться по ступенькам. Тайна, единственный пассажир, поняла, что ей пора выходить. Ступив на ломкий и словно запыленный наст, она тут же провалилась в снег по колено. Здесь не было никакой остановки, зато вдалеке виднелся черный силуэт какого-то здания. Тайна вздохнула и, разламывая ледяную корку, прихватившую снег, побрела через поле.

Девушка сосредоточенно шагала вперед, как вдруг ее джинсы за что-то зацепились. Она посмотрела вниз и увидела колючую проволоку, вмерзшую в снег. Железные крючья расцарапали ногу, но замерзшая плоть ничего не чувствовала и почти не кровоточила. Онемевшими пальцами Тайна отцепила проволоку и двинулась дальше.

Здание медленно приближалось. Это оказался приземистый бетонный бункер, наполовину занесенный снегом. На серой выщербленной стене был нарисован знак, похожий на черный цветок с тремя лепестками-треугольниками. Краска, которой был выполнен рисунок, поблекла и облупилась. Рядом со знаком Тайна увидела темный дверной проем. Других дверей или окон в бункере не было.

– Ну, мне точно туда, – пробормотала Тайна, не слишком радуясь отсутствию выбора. Она чувствовала, что идет напрямиком в ловушку.

Сразу за дверным проемом начинался темный коридор. Оттуда несло сырым бетоном и чем-то едва уловимым, но все же нестерпимо мерзким. Возможно, мертвечиной. Стальная дверь, искореженная и сорванная с петель, лежала за порогом, словно коврик для ног. Тайна прошагала по ней и углубилась в коридор. Над головой у нее что-то щелкнуло, и через мгновение под потолком зажглась тусклая желтая лампочка, забранная ржавой сеткой. Она осветила небольшую часть коридора. Ничего особенного здесь не было, только бесчисленное количество толстых проводов, протянутых по

бетонным стенам, поэтому Тайна пошла дальше. Лампочка за ее спиной погасла, и включилась следующая, освещающая новый отрезок коридора. Так продолжалось несколько раз, пока Тайна не подошла к винтовой лестнице, уходящей вниз через круглый проем в полу.

Снизу доносились неразборчивые голоса.

– Она уже здесь! – чей-то возглас эхом разнесся по бункеру.

Заинтригованная, Тайна начала спускаться по лестнице. Внизу было холодно; в воздухе висел острый запах сгоревшей изоляции, который не мог замаскировать вонь гниющей плоти.

Вскоре взору Тайны открылся огромный зал. Освещена была только его центральная часть, и в этом световом пятне располагалось нечто, напоминавшее огромный компьютер. Сооружение, занимавшее пространство от пола до потолка, выглядело как плотоядный гриб-паразит. В переплетении стальных конструкций и электрических кабелей хаотично мигали сотни лампочек и сверкали десятки экранов разной величины. Несмотря на то что два или три монитора были разбиты, а провода с нарушенной изоляцией сыпали искрами, странный агрегат функционировал.

Тайну настолько заворожил вид компьютера, что она не сразу увидела человекоподобное существо, притаившееся в переплетении проводов. Безволосая голова казалась неестественно большой, черные зрачки злобно глядели из темных

провалов глазниц. Сообразив, что его заметили, существо проскрипело:

– Так нечестно – убежать с игрового поля.

Только сейчас Тайна поняла, что это ребенок. У него был высокий голос, и говорил он, странно растягивая слова.

– А я тебе говорила, что она убежит, – второй голос раздался с обратной стороны конструкции.

Послышалось жужжание электрического мотора и металлический лязг. Нижняя часть компьютера медленно повернулась вокруг своей оси, и Тайна увидела маленькую девочку. Как это ни удивительно, но девочка составляла с гигантской машиной единое целое. Ее тело ниже груди состояло из пластиковых шлангов и стальных штативов, на которых крепились зловещего вида приборы, похожие на механических насекомых. Провода пронизывали тело девочки, словно разноцветные черви, источившие бледную плоть. На худом лице, обрамленном жидкими белесыми волосами, выделялись огромные голубые глаза, удивительно живые для человека, выглядевшего как экспонат анатомического театра.

– А вы вообще кто? – спросила Тайна.

– Война давно закончилась, – невпопад ответила девочка.

В глубине сооружения что-то щелкнуло, снова заработал мотор, и верхняя часть компьютера повернулась, предоставляя Тайне возможность лучше разглядеть похожего на пластиковый манекен мальчика. Он также был придатком безобразной машины. Его худая шея, казалось, с трудом держа-

ла вес крупной лысой головы.

– Война закончилась, но никто за нами не пришел, – произнес он.

– Потому что никого не осталось, – сказала девочка, не отрывая от Тайны удивительных голубых глаз.

– Вообще никого.

– На всем континенте.

– На всей планете.

– А-а... понятно, – кивнула Тайна. – Вы – оружие. Вас просто забыли выключить.

В компьютере что-то загремело, залязгало. Секунда – и лицо голубоглазой девочки оказалось в паре сантиметров от лица Тайны. В воздухе разлился резкий запах формалина и еще каких-то химикатов.

– *Мы не оружие.*

Стальное щупальце начало медленно исчезать в недрах компьютера, унося с собой ребенка-киборга. Вместе с девочкой ушел и химический запах.

– А чем вы здесь занимаетесь? – спросила Тайна.

– Мы играем, – сердито сказал мальчик. – А ты сбежала из игры. Так нечестно.

– А я тебе говорила, надо знать меру, когда прокачиваешь своих героев, – проворчала девочка. – Потом они вылезают из *Виртуальности*, и начинается!..

Тайна вспомнила кубики, упавшие с неба. Этот компьютер считал целый город своей настольной игрой, а живых

людей – чем-то вроде пластмассовых фишек, которые можно двигать по своему усмотрению. Но ирония заключалась в том, что этими несчастными детьми, изуродованными и слитыми с машиной, играл кое-кто более могущественный. Тайна чуть прикрыла глаза и попыталась расфокусировать зрение, как уже делала в музее восковых фигур. И вскоре увидела множество туго натянутых серебристых нитей. Одним концом они лепились к жуткому компьютеру, а другим уходили в бетонный потолок.

– Вы и есть great puppet, – произнесла Тайна, с жалостью глядя на остатки накачанной консервантами плоти, когда-то бывшей обычными детьми. Хотя, может, и необычными. «Они тоже индиго, – подумала девушка. – Поэтому из них сделали оружие и заставили сражаться».

– Great puppet?.. – удивилась девочка. – Великая марионетка? О чем это ты?

– Вы никем не играете, все это обман, – сказала Тайна. – Это вами играют.

– Глупости! – воскликнул мальчик, затравленно оглядываясь.

– Что ты несешь?! – Девочка странно поежилась, словно по ее напичканному трубками и проводами телу прошел слабый электрический разряд.

– Вы и сами это прекрасно знаете, – вздохнула Тайна. – Кукловод вертит вами, как пожелает. А вы делаете вид, что ничего не происходит. Я уже такое видела.

– *Заткнись!!!* – одновременно крикнули мальчик и девочка.

Лязгая металлическими позвонками-сегментами, из глубины компьютера возникло гибкое щупальце, на конце которого блестело острие. Просвистев в воздухе, оно ударило в то место, где Тайна только что находилась, – она едва успела отскочить. Во все стороны полетели бетонные крошки. Один осколок оцарапал Тайне висок. Чудовищный компьютер, ставший похожим на фантастического скорпиона, поднял хвост. Машина атаковала снова и снова, оставляя щербинки в полу, пока девушка не оказалась загнанной в угол. Длины шипа было недостаточно, чтобы пронзить ее, но и уйти она не могла. Тайна прижалась к стене и рассеянно вытерла окровавленный висок ладонью. Загнутое стальное острие мелькало вверх-вниз, с грохотом ударяя о бетон. Глаза детей были прикованы к Тайне, на восковых, одутловатых лицах застыло напряжение.

К стальному хвосту тянулось десятка два нитей. Тайна понимала, что не сможет перерезать их все коротким ножом, тем более что массивное острие царапало и крошило бетон, не давая приблизиться и на шаг. И тут в одном из мониторов (все они сейчас показывали «снег») Тайна заметила какое-то движение. Точка росла, пока не превратилась в белого кролика с красными глазками, идущего на задних лапах, словно персонаж мультфильма. В шелковом жилете, камзоле и кружевном жабо, он держал над головой зонтик, которым при-

крывался от телевизионного снега.

Хвост в очередной раз ударил в пол и остановился. В гулком подземном бункере воцарилась непривычная тишина.

– Быстрее, быстрее! – воскликнул Кролик, беспокойно дергая усами. – Я не могу держать его бесконечно!

– Кого? – не поняла Тайна. – Хвост?

– Время, разумеется!!! Оно *ох как это не любит!*

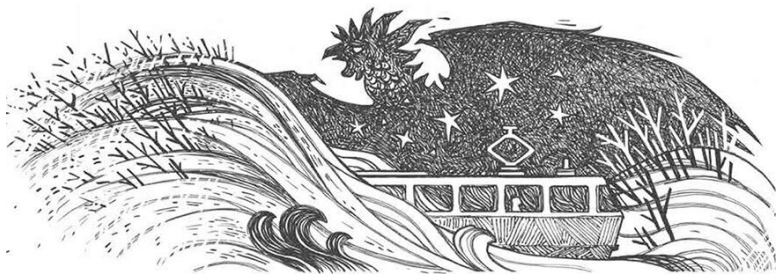
Тайна приблизилась к компьютеру. Подсоединенные к нему дети оцепенели, как будто превратились в уродливых пластиковых кукол. Из монитора высунулась рука, затянута в белую шелковую перчатку.

– Хватайся! Королева Плезанс ждет!..

Интерлюдия седьмая

Глаза Василиска

– Тайна! Тайна-а-а!!!

Из распахнутых больничных ворот навстречу Фолко все еще бежали чудом спасшиеся пациенты. Одежда на некоторых дымилась и тлела, каждый второй лишился волос и бровей. Санитары укладывали обожженных вопящих людей на носилки; тех же, кто мог передвигаться самостоятельно, отправляли к припаркованным неподалеку машинам скорой помощи.

Едкий смолянистый дым застилал все вокруг. Пожарные в касках и защитных костюмах поливали из брандспойтов почерневшие оконные проемы. Мощные водяные струи сбивали пламя, но спустя секунду пожар разгорался с новой силой.

У Фолко была привычка засиживаться допоздна, слушая музыку и читая очередной роман-фэнтези. Чтобы не мешать родителям, спящим за стеной, он надевал наушники и включал старый, подаренный ему еще на тринадцатилетие, кассетник. Обычно Фолко слушал русский рок, но в этот раз, сам не зная почему, включил радио. Рука, покрутив колесико, будто сама отыскала местную радиостанцию, где шел срочный выпуск новостей.

«...но точное количество жертв еще неизвестно, – донеслось из динамика. – По нашей информации, возгорание произошло в техническом крыле и быстро распространилось на все здание городской психиатрической больницы. На месте трагедии работают спасатели, пожарные и бригады волонтеров...»

Фолко сам не заметил, как поднялся с кровати. Дослушав репортаж, он оделся со скоростью солдата-новобранца и, потратив на такси остатки стипендии, приехал на место.

Фолко понимал: пожар – это серьезно, но не был готов к тому, что увидел. Это был настоящий ад. Люди в ожогах и волдырях, перемазанные сажей, возникали прямо из огня. Они бежали, не разбирая дороги, падали на землю и с криками катались по траве, пытаясь потушить пылающую одежду. Спасатели накрывали их одеялами и кусками брезента, но пострадавших было слишком много, и носилок не хватало. Отовсюду слышались стоны, рыдания, безумный хохот и вой сирен. На пожарных и спасателей, отдававших прика-

зы хриплыми, сорванными голосами, пациенты не обращали никакого внимания.

– Тайна!!! – в который раз заорал Фолко, но ему ответил лишь чей-то дикий вопль, донесшийся из-за забора.

– Гори-гори ясно, чтобы не погасло! – орал пожилой мужчина в разорванной пижаме, размахивая руками и приплясывая. – Птички летят, колокольчики звенят!!!

Двое санитаров схватили его под руки и куда-то увели. Фолко знал, что он здесь лишний, но не мог просто наблюдать со стороны, как огромная больница превращается в угли. От мысли, что Тайна может все еще находиться где-то там, в охваченных огнем коридорах, ему становилось дурно. «Только бы с ней ничего не случилось», – эта мысль крутилась в голове, как заевшая пластинка.

Пожар пока не охватил центральный вход, однако из распахнутых дверей валил густой черный дым. Пожарные и врачи занимались своими делами, на Фолко никто не обращал внимания. Он побежал к дверям больницы, но на полпути его повалил на землю мужчина в форме спасателя:

– Ты совсем идиот?! А ну быстро встал и убрался отсюда!

В этот момент в здании что-то затрещало и с грохотом обрушилось. Из распахнутых дверей вырвалось облако пыли, сажи и каких-то мелких осколков.

Остановивший Фолко спасатель сорвал с пояса рацию и заорал:

– У нас обрушение!.. Центральный вход заблокирован!

Потеряв интерес к Фолко, он побежал к своим коллегам.

Юноша с трудом поднялся на ноги, поправил сползшие набок очки и принялся озираться. Вокруг носились люди – медперсонал, пациенты и спасатели. Раздраженно смахнув с одежды прилипшие камешки, Фолко повернул налево и двинулся в обход здания. Он надеялся найти не охваченное огнем окно или открытую дверь, но все окна были забраны толстыми решетками, а возле служебных выходов толпились пожарные. Они рубили двери большими красными топорами, вероятно, чтобы проникнуть внутрь и отыскать тех, кто еще мог уцелеть. Как назло, больница была похожа на крепость, и обычных дверей здесь не ставили, только бронированные, с мощными замками и засовами. Фолко с досадой признал, что, околавываясь здесь, он только мешал спасателям делать свою работу. Он уже хотел повернуть обратно, когда из присыпанных пеплом кустов выскочил взъерошенный парень в грязной пижаме. На его лице, черном от сажи, влажно блестели белки глаз. Он налетел на Фолко, и вместе они покатались по усыпанной гравием дорожке.

– Осторожно! – крикнул Фолко, отталкивая парня, от которого несло дымом.

Тот вскочил на ноги и затараторил:

– О, прости, прости. Я просто убегал от санитаров. Они ловят тех, кто сбежал. И не дают вернуться в больницу!

– А зачем тебе возвращаться? – спросил Фолко, поднимаясь с земли. – Там опасно.

– Ты не понимаешь, там огонь! – отмахнулся парень. – Огонь дает силу! Я выпью его, и пожар прекратится! Хочешь со мной? Мы будем пить огонь вместе!

– Нет, спасибо. Скажи лучше, ты не знаком с девушкой по имени Тайна? Она лечилась здесь.

– Я знаю Тайну. Она всюду вместе с этой кудрявой ходила...

– С Олесей, да! – воскликнул Фолко. – Когда ты последний раз видел Тайну?! Не знаешь, она успела покинуть больницу?

– Да, да, успела, – покивал парень. – Я видел, как она села в трамвай и уехала.

– В трамвай? – нахмурился Фолко. Больница находилась за чертой города, и трамвайных путей здесь не было. – Ты уверен?

– Я видел это своими глазами! Она села в трамвай и укатила!

В этот момент из-за деревьев возник крупный мужчина в милицейской форме.

– Здесь нельзя находиться гражданским! – сказал он, хватая Фолко за локоть.

Парень, собиравшийся выпить огонь, попытался улизнуть, но милиционер сграбастал его за шиворот.

– Я ничего не сделал! – возмутился Фолко. – Я просто ищу свою подругу!

– Идемте-ка отсюда, – скомандовал милиционер, направ-

ляясь к воротам. – Снаружи разберемся.

– Я и сам могу идти! Благодарю!

Фолко предпринял попытку высвободить руку, само собой, безуспешную. Похоже, его поиски грозили закончиться в отделении милиции.

Когда задержанных вели мимо дверей, где несколько минут назад произошло обрушение, перемазанный сажей парень внезапно рванулся в сторону. Затрещала ткань, и он понесся к пылающему зданию, срывая с себя остатки одежды. Выругавшись, милиционер отшвырнул обрывок пижамы и бросился в погоню. Недолго думая Фолко побежал в противоположную сторону. Миновав ворота и пространство, занятое спецтехникой, он смешался с толпой. К месту происшествия уже съезжались родственники тех, кто лежал или работал в больнице. С каждой минутой количество гражданских увеличивалось, и работники милиции начали оттеснять их подальше от забора. Кто-то принялся натягивать желтую заградительную ленту.

Фолко отошел в сторону и вытащил из кармана потертый бумажник. Там, в прозрачном кармашке, хранилась фотография, сделанная Атликой в дендрарии, – Фолко с гитарой и Тайна, которая, как он надеялся, с интересом слушала его пение. Юноша сомневался, что встреченный псих действительно видел Тайну. Но кто-то другой, у кого мозги не набекрень, мог узнать ее по фотографии.

Фолко сделал несколько шагов, направляясь туда, где бы-

ли припаркованы машины скорой помощи, и тут его взгляд наткнулся на тряпичную куклу, лежавшую в грязи лицом вниз.

– Да ладно... – удивленно пробормотал Фолко, поднимая ее с земли. Это была игрушка Олеси, и, покопавшись в памяти, он даже вспомнил, как ее звали. – Мила, если не ошибаюсь? Рад тебя видеть!

Платье куклы покрывали пятна сажи, а волосы из оранжевых ниток, прежде аккуратно уложенные, растрепались и торчали в разные стороны.

– Ну, хоть кто-то знакомый, – буркнул Фолко. – Жаль только, ты не сможешь рассказать, где сейчас Тайна...

Кукла безучастно взирала на Фолко глазами-крестиками. Решив при случае вернуть ее Олесе, молодой человек сунул Милу под мышку и направился к машинам скорой помощи.

Битый час Фолко ходил по пустырю перед больницей, где уже развернули шатер для пострадавших и даже организовали полевую кухню. Никто не узнавал девушку на полароидном снимке. Получив отрицательный ответ от дежурившего возле палатки милиционера, Фолко услышал чей-то взволнованный голос:

– Эй! Молодой человек! Вы сказали – Тайна?

Оглянувшись, Фолко увидел странную парочку – нервного альбиноса, одетого как английский джентльмен, и высокую светловолосую девушку со шрамами на лице.

Проведя весь день в поисках Тайны, Фолко чувствовал себя разбитым и подавленным. Он надышался дымом и теперь постоянно кашлял, а глаза сделались красными, как у того альбиноса с кружевным платком. Фолко то и дело отчаянно тер их, хоть и понимал, что от этого станет только хуже. От одежды и волос за километр несло дымом, однако он, не раздеваясь, с размаху упал на кровать и закрыл глаза. В руке он по-прежнему сжимал Милу, словно какой-то нелепый талисман. Фолко так и не увидел Олесю, но выбросить игрушку не смог. Мила сейчас была единственной связующей ниточкой между ним и Тайной, какой-никакой, а их общей знакомой.

Фолко прищурился, поднял куклу перед собой и спросил: – Как ты думаешь, она жива?

Кукла, как и следовало ожидать, ответила вежливым молчанием. Юноша вздохнул и положил ее рядом с собой. Все-таки стоило принять душ и переодеться, а потом уже решать, что делать дальше.

Сегодняшние поиски не дали ровным счетом ничего. Разве что эта странная встреча с альбиносом и его спутницей... Фолко до сих пор не знал, что думать по их поводу. Кажется, они были одаренными, но правильно ли он поступил, рассказав им про трамвай, на котором якобы укатила Тайна? Услышав об этом, девушка со шрамами на лице чуть из шта-

нов не выпрыгнула, словно знала, о чем идет речь.

— Фигня это все, — пробормотал Фолко, поднимаясь с кровати. — Одни ненормальные кругом...

Молодой человек долго стоял под горячим душем, словно надеялся вместе с грязью и запахом дыма смыть плохие мысли и дурные предчувствия. Он размышлял: почему на его пути встречались такие люди, как Тайна и Кристина? Ведь, по идее, одаренных было не так много. Могло ли быть так, что подобное притягивалось к подобному? Нет, Фолко не считал себя экстрасенсом, контактером или кем-то в этом роде. Но все же иногда подобные мысли закрадывались в голову...

Однажды, когда Фолко еще учился в школе и называл себя именем, данным родителями, а не взятым из «Властелина колец», с ним произошло нечто необъяснимое. Он проснулся посреди ночи и увидел, что по комнате плавают бледные светящиеся сферы, похожие на медуз. Они были разного цвета, размера и постоянно меняли форму. У родителей Фолко был старый ночник, похожий на вертикальную колбу, наполненную прозрачной жидкостью и парафином. Когда лампа нагревалась, парафин плавился и начинал принимать причудливые формы, разделяясь на капли, которые перемещались вверх и вниз по колбе. Проснувшись той ночью, Фолко словно очутился внутри этого ночника. Иногда сферы сталкивались между собой и бесшумно разлетались, а иногда зависали прямо над кроватью, словно хотели разглядеть спрятавшегося под одеялом подростка. К счастью, у навод-

нивших спальню сущностей не было глаз, иначе Фолко наверняка сошел бы с ума. Почти до самого утра он следил за разноцветными пузырями, но потом все же уснул. Когда прозвенел будильник, странное видение исчезло.

С тех пор Фолко больше не сталкивался с желеобразными сферами, но порой видел иные, не менее странные вещи – то, чего не замечали другие люди. Порой в сумерках или на рассвете он видел существ с горящими глазами, которые куда-то крались, полупрозрачных призраков или черных рогатых тварей. Стоило моргнуть или потереть глаза, как видения исчезали.

Впервые заговорив с Тайной возле библиотеки, Фолко сказал, что однажды видел в лесу живого хоббита. Это наверняка прозвучало как ничего не значащий треп фаната фэнтези, неловкая попытка найти общий язык с понравившейся девушкой. Однако Фолко говорил вполне серьезно. Да и сама Тайна тогда призналась, что, гуляя по Краснодару, встретила Василиска...

За год или два до этого Фолко осторожно намекнул Кристине, что иногда видит необычные вещи. Она тут же заявила, что это дар и что его нужно развивать. Сейчас, стоя под горячими струями душа, юноша подумал: а вдруг она была права? Если он действительно мог видеть невидимое, оставался шанс, что его снова притянет к Тайне... или ее притянет к нему. Как бы то ни было, Фолко не верил, что их встреча возле библиотеки была случайностью...

Смыв с себя мыльную пену, он обмотался полотенцем и покинул ванную.

Фолко собирался позвонить на горячую линию и узнать, не отыскалась ли девушка с потерей памяти, называвшая себя Тайной. Погруженный в невеселые мысли, он зашел в свою комнату и потянулся к стоявшему на тумбочке телефону... но замер, так и не коснувшись трубки. Пока он мылся, кто-то изрисовал обои фломастером, прямо над кроватью. Очки лежали на стопке книг, возле телефона. Юноша надел их и, не веря своим глазам, взгляделся в детские каракули. Некто, обладавший весьма скудными художественными талантами, попытался изобразить трамвай и девочку, машущую рукой из его окна. Неподалеку был нарисован грустный человечек. Судя по пунктирным линиям, идущим от его глаз, он плакал. Фолко в изумлении посмотрел на подушку – там сидела кукла, рядом с ней лежал фломастер.

Решив, что это чей-то безумный розыгрыш, Фолко огляделся. В комнате все было по-прежнему – полки прогибались под тяжестью книг, гитара в углу ждала, когда он заменит порванную недавно басовую «ми», а с плакатов на стенах смотрел Виктор Цой.

– Это еще что? – произнес Фолко.

В этот момент кукла встала на ножки и ткнула себя кулачком в грудь.

Фолко отшатнулся и пробормотал:

– Что за черт... Я схожу с ума, да?

Кукла покачала головой из стороны в сторону. Фолко крепко зажмурился, уверенный, что сейчас видение растает, но, когда открыл глаза, все осталось по-прежнему. Мила стояла на подушке, вопреки ожиданиям и здравому смыслу.

– Так, ладно... – произнес юноша и, приподняв очки, потер уголки глаз большим и указательным пальцами. – Ты – настоящая. Это не сон и не галлюцинация.

Мила нетерпеливо покивала. Фолко понимал, что верить куклам, даже тем, которые утверждают, что ты не сошел с ума, – это и есть верх безумия. Тем не менее он задал самый важный вопрос:

– Ты знаешь, где Тайна?

Кукла снова кивнула и указала на рисунок.

– Если она действительно уехала на этом трамвае, я смогу ее найти?

Кукла взяла фломастер двумя руками, подошла к стене и медленно вывела шесть кривобоких букв, сложившихся в слово «СМЕРТЬ».

– Чья смерть?.. Тайны?

Мила отрицательно покачала головой.

– Значит, моя?.. – догадался Фолко. – Это опасно? Я могу умереть?

На этот раз кукла не пошевелилась. Она стояла с фломастером наперевес и словно ждала следующего вопроса.

– Но если я не попытаюсь сейчас, мы с Тайной еще когда-нибудь встретимся? – спросил Фолко.

Мила медленно покачала головой.

* * *

Туман возник будто бы ниоткуда. Сначала он стелился по земле едва заметной дымкой, а потом внезапно затопил знакомые с детства улицы, словно где-то прорвало дамбу, за которой была не вода, а водяная пыль, белая и невесомая. Сообразив, что еще чуть-чуть, и ковыляющую впереди Милу станет не видно, Фолко поднял ее на руки. Около часа кукла вела его по ночному городу, но теперь, кажется, он мог просто идти вперед, не заботясь о направлении. Долгое время Фолко брел сквозь сырой полумрак, пока не услышал впереди странный скрежет. Мила беспокойно завозилась, и юноша понял, что ему нужно именно туда – к источнику звука. Казалось, где-то там, за белесой пеленой, безумный дворник царапает граблями голый асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.